

антонио гарридо

СКРИБА

Антонио Гарридо

Скриба

«ЭННЕАГОН ПРЕСС»

Гарридо А.

Скриба / А. Гарридо — «ЭННЕАГОН ПРЕСС»,

ISBN 978-5-91051-054-2

Эта книга - настоящий подарок для любителей исторической прозы Умберто Эко и Жака Ле Гоффа. Тысячу лет назад, в эпоху «темного средневековья», бессмысленно жестокого и поголовно безграмотного, юной Терезе, скрывающей тайну своего происхождения и причины бегства из дома, предстоит многое пережить, прежде чем она станет скрибой (секретарем) и получит покровительство личного советника Карла Великого. Раскрывая убийства и распутывая интриги, Тереза и ее наставник все ближе подбираются к таинственному документу, которому суждено предопределить судьбу христианства.

ISBN 978-5-91051-054-2

© Гарридо А.
© ЭННЕАГОН ПРЕСС

Содержание

Ноябрь	6
1	6
2	14
3	21
4	26
5	38
6	48
7	59
8	70
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Антонио Гарридо

Скриба

Год 799 от Рождества Христова.

Крепость Вюрцбург. Саксония.

И пришел дьявол, чтобы остаться.

«Не знаю, зачем я пишу. На прошлой неделе умерла Берта, и скоро, возможно, я присоединюсь к ней. Сегодня мы ничего не ели. Того, что отец приносит из скриптория, нам не хватает. Повсюду пустота. Город умирает».

Тереза положила вощеную табличку на пол и прилегла на голую кровать. Прежде чем уснуть, она помолилась о душе своей подруги и уже в полудреме вспомнила страшные дни, которые предшествовали голоду.

Ноябрь

1

В День Всех Святых в Вюрцбурге так и не рассвело. Первые поденщики, в потемках покидая свои жилища, по дороге на поля указывали друг другу на небо, грязное и вздувшееся, словно брюхо огромной коровы. Собаки выли, предчувствуя бурю, но мужчины, женщины и дети – целая крестьянская армия – устало продолжали брести, как неживые. Немного погодя клубящиеся черные тучи полностью закрыли небосвод и оттуда низверглись такие потоки воды, что даже много повидавшие на своем веку люди тряслись в ожидании конца света.

Тереза еще дремала, когда к ней вбежала мачеха. С ужасом услышав, как град молотит по крыше чердака, грозя вот-вот пробить ее, она поняла, что нужно торопиться. В мгновение ока женщины побросали в котомку сыр, хлеб и кое-что из одежды, закрыли окна и двери и присоединились к толпе несчастных, спешивших укрыться в верхней части города.

Когда они поднимались по извилистой улице, Тереза вспомнила, что забыла дома вощепные таблички.

– Иди, я сейчас вернусь.

Несмотря на крики Рутгарды, она тут же растворилась среди похожих на мокрых крыс крестьян, бежавших в обратном направлении. Многие проходы уже превратились в бурные потоки – по ним неслись сломанные корзины, обломки дров, мертвые куры и обрывки одежды. Тереза миновала кожевенный двор, перебравшись по повозке, которая застряла между двумя затопленными жилищами, спустилась по одной из старинных улочек и оказалась на задах своего дома, где и застала парня, пытавшегося взломать дверь. Неслышно подойдя сзади, она резко толкнула его, но парень, вместо того чтобы убежать, бросился к другому дому и исчез в окне. Тереза выругалась и поспешила внутрь. Она достала из сундука письменные принадлежности, вощепные таблички и Библию в изумрудном переплете, спрятала все это под плащ, перекрестилась и что было мочи, насколько позволяла вода, побежала туда, где ее ждала мачеха.

Некоторые улочки по пути к собору уже потонули в грязи, и крыши напоминали плавающие в луже сухие листья. Чуть позже вода полностью поглотила причудливые лабиринты убогих домишек на окраинах, довершив тем самым картину разорения.

В следующие дни, несмотря на молитвы, ливни и бури превратили поля в болота. Потом пришел черед снегопадов. Майн замерз, сковав рыбацьи шляпки, метели замели перевалы, которые связывали Вюрцбург с долинами Аквисгранума¹, и подвоз продуктов и товаров прекратился. Морозы погубили урожай, скот начал гибнуть. Мало-помалу запасы провизии были исчерпаны, и голод стал расплзаться по окрестностям как огромное масляное пятно. Кое-кто за бесценнок продал свои земли, а кое-кто, не найдя покупателей на землю, – свою семью.

О глупцах, сбежавших из-под защиты крепостных стен в леса, ничего не было слышно. Некоторые в отчаянии вручили свою судьбу Господу и бросились с обрыва.

Ходить по улицам Вюрцбурга стало трудно и даже опасно – или в грязь упадешь, или дом на тебя обвалится, поэтому все старались передвигаться подальше от жилищ. Но вообще-то жители предпочитали сидеть по домам в ожидании чуда, и только дети, не слушая взрослых, собирались у помойных ям поохотиться на крыс, из которых можно было приготовить жаркое. Если удача им улыбалась, они сообщали о своем подвиге песнями и радостными криками и с гордостью проносили по главной улице палки с насаженной на них добычей.

¹ Латинское название г. Ахен. (Здесь и далее – прим. перев.)

По прошествии двух недель в крепости появились первые покойники. Те, кому повезло, были похоронены на кладбище около деревянной церкви Санта-Адела, но скоро нашлись добровольцы, которые стали закапывать мертвецов на берегу реки, как во время чумы. Иногда трупы раздувались, словно жабы, однако обычно благодаря крысам до этого не доходило. Многие дети от слабости заболевали, но отчаявшиеся матери не могли раздобыть для них ничего, кроме воды. К концу месяца запах смерти пропитал весь город, над которым целыми днями разносился погребальный звон.

Зато в Сан-Иоанн-Беато, древней римской крепости, превращенной безногим Уилфредом в графскую резиденцию, были и фрукты, и овощи, так как находившиеся в ее стенах сад и огород по-прежнему плодоносили. Был там и скотный двор, а потому вегетарианскую диету, к которой обитателей крепости вынудили обстоятельства, удачно дополняли сыр и яйца. Кроме того, Уилфред столь мудро распорядился потреблением пшеницы и производимых из нее продуктов, что запасы их если и убывали, то не слишком быстро.

Конечно, графа Уилфреда огорчала разница в положении своих приближенных, живших в относительном довольстве, и остальных прихожан, которые во всем испытывали острую нужду, однако он смиренно принимал помыслы Всевышнего, будучи убежден, что несчастья – плата за греховное поведение. Несколько лет назад он испытал это на себе, когда в горах случился обвал и его придавило камнями. В конце концов слуги его вытащили, но гангрена уже началась, и ноги пришлось ампутировать. Увидев в этом наказание Господне, он принял духовный сан и стал священником в церкви, выстроенной в крепости по приказу его отца, однако, вступив в наследство, оставил службу и занялся управлением графством.

Дабы смягчить последствия голода, Уилфред приказал поделить пшеницу между теми, кто своим поведением этого заслуживал, временно освободил колонов от работ, которые они обязаны были выполнять за пользование его землями, и отложил до лучших времен взимание десятинного сбора, однако этих мер оказалось недостаточно.

Графству постоянно требовались рабочие руки, пусть и в небольшом количестве. Женщин нанимали редко и мало – или на кухню, или для услады мужчин, однако, к счастью для Терезы, ее служба в церковных мастерских считалась полезной для процветания крепости, и она, наряду с другими работниками, получала модий² зерна в неделю.

Вообще работа в пергаментной мастерской возбуждала в Терезе противоречивые чувства. Ей невыносимы были наглые взгляды кожевников, их сальные шуточки по поводу ее груди и якобы нечаянные прикосновения, но все это вознаграждалось теми минутами, когда она наконец оставалась наедине с рукописями. Она собирала принесенные из скриптория листы и, вместо того чтобы соединять их в тетради, погружалась в чтение. Полиптихи, Псалтыри, учения отцов церкви и языческие кодексы скрашивали тяжесть работы и пробуждали мечты о том, что ее удел – не только печь пироги и мыть котлы, что ей уготована иная, более завидная участь.

Ее отец Горгиас служил переписчиком в епископальном скриптории, расположенном неподалеку от мастерской, куда ее взяли ученицей. Она получила это место благодаря чужому несчастью – предыдущий ученик, Ферруцио, по оплошности перерезал себе сухожилия на руке, и Горгиас предложил заменить его Терезой. Пергаментный мастер Корне с первой минуты был против, объясняя свое несогласие неустойчивым женским характером, склонностью женщин к ссорам и сплетням, их неспособностью ворочать тяжелые тюки и ежемесячными недомоганиями. Все это, на его взгляд, не годилось для работы, которая в равной мере требовала и познаний, и сноровки. Однако Тереза свободно читала и писала, что, несомненно,

² Древняя мера объема жидкостей и сыпучих тел, равная в древнеримской системе мер приблизительно 9 литрам

имело немалую ценность там, где наблюдался избыток мускулов и недостаток талантов. В результате, благодаря своим способностям и посредничеству графа, она получила это место.

Когда новость дошла до Рутгарды, та невольно вскрикнула. Если бы Тереза страдала каким-нибудь недугом или в чем-то отставала от подруг, она бы еще поняла, но ее падчерица была девушка привлекательная, может, немного худая на вкус местных парней, но широкобедрая и полногрудая, а уж такими ровными белоснежными зубами, как у нее, вообще мало кто мог похвастаться. Любая другая на ее месте нашла бы себе хорошего мужа, нарожала кучу детей и жила как у Христа за пазухой, так нет же – она собирается запереться в старой мастерской и потратить свою молодость на никому не нужные церковные дела да в придачу стать предметом сплетен, которых ни одной жене священника пока не удавалось избежать. Но хуже всего то, что подтолкнул Терезу к такому решению не кто-нибудь, а ее собственный отец, задуривший ей голову всякими бредовыми идеями. Да разве другие могут быть у человека, который живет прошлым, вечно тоскует по своей родной Византии и без конца рассуждает о пользе знания и величии древних авторов, превознося их так, будто они подарили ему тарелку турецкого гороха? Но пройдут годы, и однажды, увидев свое дряблое тело и беззубый рот, она пожалует, что не нашла мужчину, который кормил бы ее и оберегал.

Однако в ту страшную зиму Рутгарде пришлось признать, что только благодаря пшенице, получаемой Терезой за работу, они ложились спать не с пустым желудком.

В последнюю пятницу января Тереза проснулась раньше обычного. В добрые старые времена она вставала на заре и шла кормить кур, но теперь кормить было нечем и некого. Тем не менее она чувствовала себя счастливой: буря, разрушившая чуть ли не все предместье, пощадила их дом, отца и мачеху.

В ожидании рассвета она свернулась клубочком под одеялами и мысленно, шаг за шагом, прошла все испытание, до которого оставалось несколько часов. Неделю назад, когда она попросила устроить его, Корне с раздражением сказал, что еще ни одна женщина не была у них подмастерьем, а когда она напомнила, что по цеховым нормам любой ученик по прошествии двух лет вправе требовать перевода на это место, он рассердился еще больше.

– Любой ученик, который в состоянии поднять тяжелый тюк, – заявил он, и трудно было понять, чего в его словах больше – гнева или презрения.

Тем не менее вечером в четверг Корне появился в мастерской и угрюмо сообщил, что готов удовлетворить ее просьбу, но только если испытание будет проведено немедленно.

Сообщение одновременно и обрадовало, и обеспокоило Терезу, так как она не понимала причин, заставивших Корне столь внезапно изменить свое решение. Однако девушка чувствовала себя готовой к предстоящей проверке: она безошибочно различала пергаменты, изготовленные из кожи ягненка и козы, умела натягивать и очищать влажные шкуры лучше самого Корне и настолько мастерски убирала оставшиеся на них следы от стрел и укусов, что кожи из-под ее рук выходили белыми и чистыми, как попка новорожденного. А это было главное, так чего же волноваться?

И все-таки, когда пришло время подниматься, по спине Терезы пробежала нервная дрожь.

Девушка на ощупь встала, сняла потертое одеяло, отделявшее ее убогий тюфяк от родительского, накинула его на себя, подвязала веревкой и, стараясь не шуметь, вышла на улицу. На дворе она облегчилась, плеснула в лицо холодной водой и бегом возвратилась в дом. Там она зажгла масляную лампадку и присела на большой сундук. Колеблющийся огонек слабо осветил маленькую прямоугольную комнату, где с трудом помещалась вся семья. Посередине горел очаг, вырытый во влажном земляном полу.

Огонь ослабел, и холод давал о себе знать, поэтому Тереза подбросила немного торфа и поворошила палкой остывающие угли. Потом она взяла закопченный котелок и только начала выскребать остатки жидкой каши, как за спиной у нее раздался знакомый голос.

– Можно узнать, какого черта ты тут делаешь? Ну-ка, живо в постель!

Тереза обернулась и посмотрела на отца. Как она ни старалась, все-таки разбудила его.

– Это из-за испытания. Я не могу уснуть, – извиняющимся тоном тихо сказала она.

Горгиас потянулся и подошел поближе, что-то бормоча себе под нос. Огонь осветил худое костистое лицо и копну спутанных седых волос. Он сел рядом с Терезой и привлек ее к себе.

– Испытание тут ни при чем, дочка. Это все из-за холода, который в конце концов всех нас погубит, – негромко произнес он, растирая ей руки. – И брось выскребывать котелок, такое даже крысы есть не станут. Мать найдет тебе что-нибудь на завтрак. А еще – кончай нас стыдиться и вешать одеяло посреди комнаты как занавеску, лучше укутывайся в него, будет теплее.

– Я вовсе не стыжусь, а вешаю его, чтобы не мешать вам, когда читаю, – сказала Тереза, хотя это была неправда.

– Мне все равно, зачем ты это делаешь, но однажды утром мы найдем тебя холодной, как сосулька, и тогда уже будет не важно, обманываешь ты меня или нет.

Тереза улыбнулась и снова взялась за котелок – разговаривая, отец наскреб еще немного каши со стенок.

– И все-таки, папа, уверяю тебя, я проснулась не из-за холода, а от волнения. Вчера, когда Корне согласился устроить испытание, взгляд у него был какой-то странный, и я забеспокоилась.

Горгиас ласково улыбнулся, потрепал ее по волосам и заверил, что все будет хорошо.

– Ты разбираешься в пергаментях лучше самого Корне. Конечно, он сердится, потому что его сыновья, которые работают уже десять лет, до сих пор не в состоянии отличить ослиную шкуру от кодекса святого Августина. Ну ничего, скоро ты получишь несколько листов, прекрасно их переплетишь и станешь первой в Вюрцбурге женщиной-подмастерьем, нравится это Корне или нет.

– Даже не знаю, папа... Не думаю, что он позволит, чтобы какая-то новенькая...

– Ну и пусть не позволит, это его дело! Конечно, Корне распоряжается в мастерской, но владелец ее все-таки Уилфред, и он тоже там будет, не забывай.

– Дай-то Бог! – воскликнула Тереза, вставая.

Начинало светать. Горгиас тоже поднялся и потянулся, словно кот.

– Ладно, я сейчас соберу инструменты и провожу тебя – не годится молодой симпатичной девушке в такой час ходить по крепости одной.

Пока Горгиас собирался, Тереза любовалась чудесными снежными узорами на крышах и мягким янтарным цветом, в который рассвет окрасил убогие домишки. В их слободе, прилепившейся у крепостных стен, хлипкие деревянные постройки стояли так тесно, словно пытались выпихнуть друг друга и захватить лишний клочок земли, тогда как наверху монументальные прочные здания гордо вздымались вдоль улиц и вокруг площадей. Тереза никак не могла смириться с тем, что такое прекрасное место превратилось в огромное кладбище.

– Пресвятой архангел Гавриил! – воскликнул Горгиас. – Наконец-то ты надела свое новое платье!

Тереза кокетливо улыбнулась. Несколько месяцев назад, когда ей исполнилось двадцать три года, она получила в подарок от отца чудесное платье насыщенного голубого цвета, каким бывает небо в разгар лета, но не носила его, берегла для торжественного случая. Прежде чем уйти, она склонилась над тюфяком, на котором дремала мачеха, и поцеловала ее в щеку.

– Пожелай мне удачи, – прошептала она.

Та кивнула и что-то пробормотала, но, оставшись одна, стала молиться, чтобы Тереза не выдержала испытание.

Отец и дочь быстро поднимались по дороге мимо кузниц, причем Горгиас старался идти по середине, чтобы быть подальше от углов, за которыми мог прятаться кто угодно. В правой руке он держал факел, левой обнимал Терезу, прикрывая ее своим плащом. По пути им повстречались караульные, спускавшиеся к оборонительным стенам, и вскоре они добрались до верхней точки крепости, дошли до соборной площади, обогнули собор, и за баптистерием их взглядам открылось большое и приземистое деревянное здание мастерской.

До входа оставалось несколько шагов, когда из ближайшего темного закутка к ним метнулась какая-то тень. Горгиас даже не успел среагировать, ему удалось лишь оттолкнуть в сторону Терезу. Сверкнул нож, и факел покатился вниз по улице, пока не угодил в какую-то выбоину. Тереза закричала, а потом в страхе бросилась к мастерской и что было мочи принялась колотить в дверь. Скоро она сбила костяшки пальцев, но продолжала стучать и кричать, слыша, как у нее за спиной двое мужчин дерутся не на жизнь, а на смерть. Потом она стала лупить в проклятую дверь ногами, но все равно никто не откликнулся. Если бы она могла, она бы вышибла ее и выволокла наружу тех, кто находится в доме. Отчаявшись, она собралась бежать за подмогой и в этот момент услышала голос отца, который умолял ее немедленно уходить отсюда.

Тереза не знала, что предпринять. В этот момент соперники, катаясь по земле, скрылись за небольшой насыпью. Тут девушка вспомнила о стражниках, с которыми они недавно встретились, и бросилась вниз по улице в надежде догнать их. Однако, не пробежав и половины пути, остановилась в нерешительности: даже если она их найдет, согласятся ли они ей помочь? Так же бегом она вернулась на площадь и увидела двух мужчин, суетящихся возле окровавленного человека. Подойдя поближе, она узнала Корне и одного из его сыновей, которые пытались поднять безжизненное тело отца.

– Господи, Тереза! – вскричал Корне. – Скорее скажи моей жене, чтобы согрела воду. Твой отец тяжело ранен.

Спотыкаясь, Тереза поднялась к дому мастера и крикнула, что ей нужна помощь. Когда это здание использовалось как амбар, но в прошлом году Корне приспособил его под жилье. Вскоре в окне показалась толстая полуодетая женщина со свечой в руках. Лицо у нее было заспанное.

– Ради всех святых, что за крики? – спросила она, крестясь.

– Там мой отец, о Боже, да быстрее же! – в отчаянии всхлипнула Тереза.

Женщина буквально скатилась по лестнице, одновременно стараясь натянуть на себя одежду. В этот момент вошли Корне с сыном.

– Неужели вода еще не готова? – прорычал он. – И нам нужен свет, как можно больше света!

Тереза бросилась в мастерскую и среди разбросанных на столах инструментов нашла несколько масляных лампадок, однако они оказались пустыми. Наконец под горой лоскутов и обрезков она обнаружила пару свечей, но одну от волнения тут же выронила, и та закатилась куда-то в темноту. Пришлось довольствоваться одной, и Тереза поспешила ее зажечь. Тем временем Корне с сыном освободили от кож один из столов и положили на него Горгиаса. Мастер приказал Терезе промыть раны, пока он будет искать подходящие ножи, но девушка его не слышала. Поднеся свечу поближе, она в ужасе рассматривала жуткий порез у отца над запястьем. Ей никогда не приходилось видеть ничего подобного. Кровь текла ручьем, пропитывая одежду, кожи, рукописи, и Тереза не представляла, как ее остановить. Одна из хозяйских собак подошла к столу и принялась слизывать с пола красные капли, но вернувшийся в этот момент Корне пинком отогнал ее.

– Свети сюда! – велел он.

Тереза выполнила приказание. Мастер сорвал с ближайшей рамы растянутую на ней кожу, разрезал ее на полоски и связал так, что получился длинный жгут.

– Сними с него одежду, – последовал следующий приказ, – а ты, женщина, принеси наконец эту проклятую воду.

– Боже мой! Как же это случилось? – в испуге спросила жена Корне. – С вами-то все в порядке?

– Кончай причитать и тащи этот чертов котелок! – Мастер в сердцах стукнул кулаком по столу.

Тереза начала раздевать отца, но жена Корне молча отстранила ее и сама принялась за дело. Покончив с одеждой, она обтерла его обрезком шкуры, смоченным в теплой воде. Корне внимательно осмотрел раны, обнаружив еще несколько порезов на спине и плечах, но больше всего его беспокоила правая рука.

– Держи вот так, – сказал Корне, подняв руку Горгиаса вверх.

Тереза сделала, как он велел, не обращая внимания на кровь, которая испачкала и ее платье.

– Беги-ка в крепость, – сказал мастер, обращаясь к сыну, – и позови врача. Скажи, пусть приходит скорее.

Парень убежал, а Корне повернулся к Терезе:

– Я дам тебе знать, когда нужно будет согнуть ему руку в локте и прижать к груди, понятно?

Тереза кивнула, не отрывая взгляда от отца. По щекам ее струились слезы.

Мастер завязал жгут над раной, несколько раз обернул его вокруг руки и сильно затянул. Лицо Горгиаса задергалось, будто он начал приходить в сознание, но это оказалась обычная судорога. Правда, кровотечение наконец прекратилось. Тогда Корне подал знак, и Тереза согнула руку так, как он велел.

– Ну вот, самое страшное позади. Другие раны менее опасны, хотя посмотрим, что скажет врач. Наверное, его еще и били, но надеюсь, кости целы. Давай-ка его укроем, пусть согреться.

В этот момент Горгиас зашелся спазматическим кашлем, который явно причинял ему боль. Приоткрыв глаза, он увидел плачущую Терезу.

– Ну, слава Богу, – сказал он слабым, прерывающимся голосом. – С тобой все в порядке, дочка?

– Да, отец, – всхлипнула Тереза. – Я хотела попросить помощи у караульных и побежала искать их, но не нашла, а когда вернулась...

Тереза не закончила фразу, задыхаясь от рыданий. Горгиас взял ее за руку, притянул к себе и попытался что-то сказать, но снова закашлялся и потерял сознание.

– Ему нужно отдохнуть, – сказала жена Корне и мягко отстранила Терезу. – А ты перестань плакать, слезами горю не поможешь.

Девушка покорно кивнула. Она подумала, что надо бы сообщить мачехе, но решила пока этого не делать. Лучше до прихода врача прибраться в мастерской, а когда он осмотрит раны и скажет свое мнение, тогда можно будет рассказать о случившемся. Тем временем Корне наливал в лампы масло из глиняной плошки.

– Иногда мне хочется намазать его на какую-нибудь черствую корку, – признался он.

Наконец последняя лампада была наполнена, и помещение стало похоже на освещенную факелами пещеру. Тереза начала собирать разбросанные между столами и рамами ножи, иглы, деревянные молотки и глиняные горшки. Затем, как обычно, рассортировала инструменты по назначению, тщательно протерла их и разложила по полкам. После этого проверила, чисто ли ее рабочее место, сколько осталось мела и пемзы, и вернулась к отцу.

Ей казалось, прошло очень много времени, прежде чем появился Ценон, хирург, – грязный, неопрятный человек, от которого пахло потом и дешевым вином, почему он, навер-

ное, и засыпал на ходу. На плече у него висел большой мешок. Ни с кем не поздоровавшись, он быстро огляделся и напрямик направился к Горгиасу. Подойдя к столу, врач достал из мешка маленькую металлическую пилу, несколько ножей и шкатулку, откуда извлек иглы и моток тонкой бечевки. Все это он разложил на животе у раненого и попросил еще света. Потом поплевал на руки, пытаясь отчистить засохшую на ногтях кровь, и взялся за пилу. Когда врач поднес инструмент к отцовскому локтю, Тереза побледнела, однако, к счастью, он всего лишь собирался разрезать наложенный Корне жгут. Вновь началось кровотечение, но Ценона это нисколько не обеспокоило.

– Хорошо сделано, хотя и туговато, – сказал он. – Еще жгуты есть?

Корне подал ему длинную кожаную полоску, и врач не глядя взял ее, так как глаза его были прикованы к Горгиасу. Он умело затянул жгут и начал колдовать над раненой рукой с таким бесстрастным видом, словно фаршировал индюка.

– Каждый день одно и то же, – произнес он, не поднимая головы. – Вчера на нижней улице старой Берте выпустили кишки, а два дня назад бондаря Зидерика нашли с разбитой башкой возле собственного двора. А все ради чего? У него и красть-то нечего, дети ходят голодные.

Похоже, Ценон хорошо знал свое дело. Он накладывал швы с ловкостью умелой мастерицы, но в то же время постоянно плевал на нож, таким образом очищая его. Покончив с рукой, он перешел к другим ранам, на которые наложил темную мазь из большой деревянной чашки. Наконец забинтовал руку льняными тряпицами с какими-то подозрительными пятнами, заверив, что они только-только выстираны.

– Ну что ж, – сказал он, вытирая руки об одежду, – все готово. Позаботьтесь о нем, и через пару дней...

Тереза, которая во время операции стояла поодаль, теперь подошла к столу.

– Он поправится?

– Возможно, и да, а возможно, и нет. – И врач громко рассмеялся. Затем порывшись в мешке и достал небольшую бутылку с темной жидкостью. Тереза думала, там какое-то лекарство, но Ценон вытащил пробку и сделал большой глоток.

– За святого Панкратия! Этот ликер и мертвого поднимет. Хочешь попробовать? – Он поднес сосуд к носу Терезы.

Девушка покачала головой, отказываясь. Врач протянул бутылочку Корне, и тот с удовольствием тоже глотнул пару раз.

– Ножевые раны как дети: делают их одинаково, а получаются всегда разные. – Ценон снова засмеялся. – Выздоровеет он или умрет, от меня не зависит. Рука зашита хорошо, но рана глубокая, возможно, задеты сухожилия. Сейчас остается только ждать, и если через неделю рука не загноится, вполне вероятно, он выживет. На-ка, держи, – сказал он, доставая из кармана небольшой мешочек. – насыпай ему на рану порошок четыре раза в день и не промывай ее.

Тереза кивнула.

– Что касается моего вознаграждения... – врач слегка шлепнул Терезу ниже спины, – не волнуйся, мне заплатит граф Уилфред. – И он в очередной раз расхохотался, собирая инструменты.

Тереза покраснела от возмущения. Она терпеть не могла подобные вольности, и если бы Ценон только что не помог отцу, она запустила бы бутылкой с вином в его дурацкую голову. Однако она даже сказать ничего не успела, потому что врач ушел, мурлыча какую-то мелодию.

Тем временем жена Корне успела сходить на чердак и вернулась с масляными лепешками.

– Одну отдашь отцу, – сказала она с улыбкой.

– Благодарю вас. Вчера мы съели только котелок жидкой каши, – пожаловалась девушка. – С каждым днем еды все меньше. Мачеха говорит, нам еще везет, а сама почти не встает с постели от слабости, представляете?

– Что делать, дочка. У всех одно и то же, – ответила женщина. – Если бы Уилфред не ценил так высоко книги, мы бы сейчас ногти грызли от голода.

Тереза взяла лепешку и осторожно откусила, словно лепешка была живая и девушка боялась причинить ей боль. Затем откусила побольше, упиваясь сладостью меда и ароматом корицы, глубоко вдохнула, чтобы надолго сохранить запах, и облизала губы, боясь потерять хотя бы крошку. Часть лакомства она спрятала в карман для мачехи. На какое-то мгновение она устыдилась, что наслаждается такой вкусной едой, когда отец без сознания лежит рядом, но голод оказался сильнее угрызений совести, и она опять полностью отдалась восхитительному вкусу горячей лепешки. В этот момент Горгиас снова закашлялся.

Девушка обернулась и увидела, что отец приходит в себя. Она подбежала к нему со словами, что ему нельзя подниматься, но он ничего не слышал, казался чем-то встревоженным и без конца озирался, будто что-то искал. Корне заметил это и тоже подошел.

– Мой мешок? Где мой мешок?

– Успокойся, Горгиас, вон он, возле двери, – сказал Корне и махнул туда рукой.

Горгиас с трудом слез со стола. Нагнувшись, он застонал и на несколько секунд застыл от боли, но потом все-таки открыл мешок, заглянул внутрь и здоровой рукой стал судорожно ворошить письменные принадлежности. Он не переставая чертыхался, то и дело оглядывался по сторонам и наконец в ярости вывалил содержимое мешка на пол. Перья и палочки для письма, испачканные в разлившихся чернилах, раскатились во все стороны.

– Кто его взял? Где он? – кричал Горгиас.

– Что ты ищешь? – спросил Корне.

Горгиас, с искаженным от злобы лицом, только взглянул на него, но ничего не ответил и принялся опять шарить по полу и выворачивать туда-сюда мешок. Убедившись, что в нем ничего нет, он поднялся, доковылял до ближайшего стула, в изнеможении упал на него, закрыл глаза и начал молиться о спасении своей души.

2

Ближе к полудню голоса молодых работников вернули Горгиаса к жизни. До этого он сидел молча, с поникшей головой и отрешенным взглядом, не слыша ни советов Корне, ни ласковых слов Терезы. Однако постепенно выражение его лица становилось все более осмысленным, и вскоре он поднял глаза в поисках Корне. Мастер был доволен, что тот немного оправился, но стоило Горгиасу спросить, кто на него напал, тут же замкнулся и заявил, что ничего не знает.

– Когда мы подросли, твой обидчик уже убежал, кто бы он ни был.

Горгиас тихо выругался и тут же скривился от боли, затем встал и начал бродить по мастерской, как загнанный зверь, пытаясь вспомнить лицо нападавшего, но ничего не получалось – утренняя полутьма и неожиданность атаки обеспечили ему анонимность. Тогда Горгиас решил пойти в скрипторий и там спокойно обдумать случившееся.

Вскоре после ухода Горгиаса, при котором работники старались вести себя тихо, мастерская вновь наполнилась привычным шумом. Самым молодым велели засыпать землей следы крови и вымыть стол, а подмастерья, ворча, приводили в порядок все остальное. Тереза коротко помолилась за здоровье отца и старательно принялась за работу. Прежде всего она убрала мусор, накопившийся за вчерашний день, затем отобрала наиболее поврежденные остатки кожи и отнесла их в специальную бочку, где они должны гнить, пока бочка не наполнится. К сожалению, это уже произошло, так что пришлось перетаскивать содержимое в большие глиняные кувшины для вымачивания. Из вымоченных, размятых и прокипяченных кожаных обрезков делают клей, которым подмастерья пользуются во время работы. Закончив, она набросила на себя мешок, чтобы уберечься от дождя, и направилась к водоемам, расположенным в убогом внутреннем дворе.

Там она остановилась и внимательно все осмотрела.

Семь квадратных водоемов располагались вокруг центрального колодца таким образом, чтобы шкуры можно было без труда перекладывать из одного в другой в соответствии с процессом их обработки, который состоял из разрезания, очистки и выскабливания. Девушка окинула взглядом уже обработанные белесые кожи, плававшие в воде как грязные тела. Она терпеть не могла проникавшую повсюду кислую вонь этого места.

Однажды, когда вдруг сильно похолодало, она попросила Корне на несколько дней освободить ее от работы, поскольку сырость в сочетании с едкими испарениями были очень вредны для ее легких, но в ответ получила лишь оплеуху и издевательские шуточки. С тех пор она никогда ни о чем не просила. Подоткнув юбку, вздохнув так глубоко, как только могла, и задержав дыхание, она спустилась в водоем и начала передвигать клейкие морщинистые полотнища, пока хватало сил.

Вдруг девушка почувствовала, что кто-то подошел сзади.

– По-прежнему нос воротишь? Считаешь, он таких запахов недостоин? Ну еще бы, нос мастерицы по пергаментам – это вам не шутка!

Тереза обернулась и наткнулась на язвительную ухмылку Корне. Дождь струился по его лицу, беззубые десны влажно поблескивали. От него, как всегда, пахло ладаном, который он использовал, чтобы заглушить собственный запах немывтого тела и грязного белья. При других обстоятельствах она бы с удовольствием сказала, что о нем думает, но сейчас прикусила язык и молча склонила голову. После стольких жертв она не имеет права обращать внимание на его издевки. И если он намерен под любым предлогом не допустить ее до испытания, то ему придется сильно потрудиться, чтобы такой предлог найти.

– Представляю, – продолжал мастер, – как ты себя чувствуешь: отец ранен... ты напугана и взволнованна, это понятно... Мне кажется, сейчас не самый подходящий момент для столь важного испытания, поэтому, учитывая уважение, которое я питаю к твоему отцу, я готов отложить его на какое-то разумное время.

Тереза с облегчением вздохнула. Корне прав: окровавленный отец до сих пор стоит у нее перед глазами, руки дрожат, и хотя она ощущает в себе достаточно сил, перенос испытания был бы очень кстати, ей действительно нужно успокоиться

– Конечно, не хотелось бы нарушать наши планы, но я благодарна вам за предложение, несколько спокойных дней мне не помешают, – сказала она.

– Несколько дней? Нет, нет, – улыбнулся он, – если мы перенесем испытание, то только на будущий год. Таковы правила, и ты прекрасно это знаешь. Да ты посмотри на себя – на тебе лица нет... На мой взгляд, такое решение – самое правильное.

К сожалению, возразить тут нечего. Если кандидат отказывается от испытания, следующего он должен ждать ровно год. Тем не менее она надеялась, что в связи со сложившимися обстоятельствами Корне сделает для нее исключение.

– Ну так как? – поторопил мастер.

Тереза не знала, что ответить. Ладони у нее вспотели, сердце колотилось. Предложение Корне казалось разумным, но кто знает, что может произойти за эти двенадцать месяцев! В то же время, если она сейчас провалится, вторую попытку ей уже никогда не предоставят. Во всяком случае, пока Корне стоит во главе мастерской, поскольку он наверняка использует ее провал как доказательство своего любимого изречения: женщины и животные нужны только для того, чтобы рожать детей и возить грузы.

Время шло, оба молчали. Мастер в нетерпении стал барабанить пальцами по пустому бочонку. Тереза уже собиралась отказать, но в последний момент все-таки решила доказать Корне, что она искуснее любого из его сыновей. Кроме того, если она действительно хочет стать подмастерьем, то должна уметь преодолевать трудности. Даже по какой-то причине не пройдя испытание сейчас, она через несколько лет попытается сделать это снова. В конце концов, Корне уже в годах и к тому времени может умереть или заболеть, хотя в глубине души она понимала – во главе мастерской в Вюрцбурге будет стоять только он, и никто другой; это так же очевидно, как то, что снег всегда замечает следы. И все-таки она вскинула голову и решительно сказала, что готова к сегодняшнему испытанию и примет любой его результат. Лицо Корне осталось бесстрастным.

– Хорошо. Если ты так хочешь, начнем представление.

Тереза кивнула и направилась в мастерскую, однако уже у входа снова услышала голос мастера.

– Можно узнать, куда ты направляешься? – спросил он таким тоном, что девушка вздрогнула.

Ноздри его раздувались и трепетали, как у лошади. Тереза в растерянности смотрела на него. Она шла к своему рабочему столу проверить инструменты, необходимые во время испытания.

– Я собиралась наточить ножи, пока не пришел граф, приготовить...

– Граф? А при чем тут граф? – прервал ее мастер, якобы удивленный.

Тереза онемела от неожиданности. Отец заверил ее, что Уилфред обязательно будет присутствовать.

– Ах да! – Корне сделал очередную гримасу. – Горгиас говорил мне, но вчера я побывал у графа, и он был так занят, что я счел излишним отвлекать его по столь ничтожному поводу. К тому же я рассудил, и надеюсь, справедливо, что, коль скоро ты готова к любым неожиданностям, отсутствие графа несколько тебе не мешает. Или мешает?

Вдруг Тереза поняла, что Корне помог отцу, а ей предложил перенести испытание не из милосердия или уважения к нему. Он сделал это, поскольку будущее мастерской, да и его собственное, тесно связано со скрипторием. Надо же быть такой наивной, чтобы пусть ненадолго, но поверить в его добрую волю! Теперь придется расплачиваться за эту глупость, а в такой ситуации она не дала бы за все свои знания и вязанки сырых дров. Потеряв всякую надежду, девушка поникла головой и приготовилась к неизбежному, но в этот момент в голову ей пришла счастливая мысль.

– Наверное, вы не знаете, – доверительно произнесла она, – а вот отцу точно известно, что граф, будучи в курсе моих успехов, пожелал не только присутствовать на испытании, но и приобрести мой первый пергамент, на котором я, согласно общепринятым правилам, должна поставить свой знак.

Тереза молилась, чтобы Корне поверил в эту ложь, тогда не все будет потеряно.

Похоже, так и произошло, поскольку глупая ухмылка тут же исчезла с его лица. Конечно, он сомневался, но если желание Уилфреда действительно таково, идти ему наперекор рискованно. Хотя, что бы там граф ни говорил и ни думал, это не имеет никакого значения, поскольку девица испытание не выдержит. Во всяком случае, пока он тут мастер.

Тереза ждала, когда Корне созовет работников. Ученики и подмастерья тут же побросали свои дела, и вскоре двор превратился в сцену. Самые молодые, отпихивая друг друга, старались усесться впереди всех. Один парень толкнул другого, и тот ко всеобщему удовольствию свалился в водоем, вызвав страшный гвалт. Подмастерья устроились в углах под навесами, прячась от дождя, а молодежи все было нипочем. Кто-то притащил корзину яблок и раздал самым нетерпеливым, чтобы немного успокоить их. Похоже, всем, кроме Терезы, результат предстоящего испытания был известен. Наконец Корне несколько раз хлопнул в ладоши и обратился к импровизированной публике:

– Вы, конечно, знаете, что сия юная девица попросила принять ее в наш цех. – При этих словах раздался хохот. – Так вот, она, – Корне указал на Терезу, одновременно почесывая мошонку, – считает себя умнее всех вас, и моих сыновей, и даже меня. Пусть от простого собачьего лая она сразу наложит в штаны и побежит прятаться под кровать, но у нее хватает дерзости претендовать на работу, которую по природе своей способны выполнять только мужчины.

Теперь уже хохотали все без исключения. Какой-то особенно наглый парень швырнул огрызок яблока, и тот угодил Терезе прямо в лицо. Другой кривлялся, изображая испуганную девушку, а остальные радостно аплодировали. Наконец Корне прекратил всеобщее зубоскальство и продолжил свою поучительную речь.

– Итак, женщина желает выполнять мужскую работу... Кто-нибудь может мне объяснить, как при этом она собирается заботиться о муже, готовить, стирать, заниматься детьми? Или она приведет всю эту свору сюда? – Парни снова захохотали. – А летом, когда настанет жара, когда ее тело будет обливаться потом и рубашка прилипнет к груди, что прикажете нам делать? Отводить глаза и сдерживать желания, или в награду за наши усилия она все-таки разрешит нам полакомиться?

Новый взрыв смеха был ему ответом. Парни перемигивались, подталкивали друг друга локтями и от души хлопали в ладоши. И тут Тереза вышла вперед. До сих пор она молчала, но терпение ее наконец кончилось, и она не желала больше терпеть насмешки.

– Как я буду ухаживать за своим мужем, это моя работа. Что же касается моей груди, которая не дает вам покоя, то я непременно попрошу вашу жену уделять вам больше внимания, поскольку вам явно его не хватает. А теперь, если вы не против, я хотела бы начать испытание.

Корне задохнулся от ярости. Он не ожидал такого отпора, а тем более – того, что слова Терезы вызовут благосклонные улыбки парней. Тогда он выбрал в корзине с яблоками самое гнилое, подошел вплотную к девушке, медленно откусил, разжевал и поднес слюнявую кашицу к ее губам.

– Нравится?

Тереза скривилась от отвращения, и Корне, довольный, улыбнулся. Тут он заметил внутри гусеницу и, по-прежнему улыбаясь, откусил испорченный кусок, а остаток бросил как можно дальше. Сосредоточенно жуя, он собрал свои космы в неряшливый хвост и подошел к водоему, куда угодило яблоко.

– Вот твое задание, – сказал он, отодвигая деревянную решетку, которая закрывала часть водоема. – Представишь мне готовую кожу и станешь тем, кем ты так мечтаешь быть.

Тереза стиснула зубы. В обязанности учеников входило лишь счищать с кож мясо и готовить их к дальнейшей обработке, но если Корне хочет, чтобы она сделала все от начала до конца, что ж, пусть так и будет. Она подошла к краю и посмотрела на толстый слой крови и жира, покрывавший воду. Затем в поисках предназначенной ей кожи стала палкой раздвигать ошметки, отделяющиеся под воздействием извести, однако ничего не нашла и вопросительно взглянула на Корне.

– Она внутри, – с ухмылкой заявил тот.

Тереза снова повернулась к водоему, самому глубокому из всех. Сюда складывали кожи сразу после живодерни. Она аккуратно сняла сапоги и поставила их рядом, потом подобрала юбку и ступила в воду, одновременно задержав дыхание. В воде плавали куски кожи и свернувшаяся кровь вперемешку с разной грязью, без которой при вымачивании не обойтись. Под пристальными взглядами сгрудившихся вокруг парней она погрузилась в воду до пояса и от холода невольно застонала.

Подождав несколько секунд, она набрала побольше воздуха и погрузилась под воду, а когда вынырнула, голова ее была покрыта жиром. Тереза что-то выплюнула, обтерла грязь с лица и стала продвигаться дальше, отводя в стороны плававшую вокруг мерзость. От извести тело под одеждой жгло, она промерзла до костей, но продолжала сосредоточенно продвигаться вперед, хотя вода доходила ей уже до подбородка. Дождь бил по лицу, и она, словно слепая, дрожащими руками нащупывала под водой, за что бы ухватиться, босые ноги утопали в иле и сгнивших кожах. Вдруг она на что-то наткнулась и остановилась как вкопанная. Сердце колотилось, но она заставила себя успокоиться и ощупала предмет ногой, однако что это такое, не поняла. Поддавшись минутной слабости, она даже решила отказаться от испытания, но вспомнила об отце и тех людях, которые верили в нее, сделала глубокий вдох и снова погрузилась в воду. От холода заломило виски, но она все-таки дотронулась до этой непонятной вещи. Поверхность была тошнотворно скользкой, однако Тереза подавила спазм и продолжала ощупывать клейкую массу, пока не наткнулась на ряд выпуклостей, похожих на мелкую гальку. Она несколько раз провела по ним рукой и наконец поняла, что это ряд зубов. От ужаса она чуть было не открыла глаза, но вовремя сдержалась, иначе известь выела бы их. Она выпустила челюсть и вынырнула, хватая ртом воздух, с красным от натуги лицом. Пока она кашляла и отплеивалась, перед ней возникли остатки огромной сгнившей коровьей головы.

Тем временем зрители, не удовлетворенные мучениями девушки, подошли к водоему с намерением еще поиздеваться над ней. Один протянул руку, якобы помогая вылезти, однако стоило Терезе ухватиться за нее, как она получила сильный толчок и снова оказалась в воде. Тут во дворе появилась жена Корне, которая наблюдала всю эту сцену и теперь спешила к девушке с сухой одеждой. Отстранив парней, она вытащила ее, дрожащую, словно собачонка, укутала одеялом и повела в дом, однако на пороге их остановил голос мастера.

– Пусть переоденется и возвращается в мастерскую.

Когда Тереза вернулась, то обнаружила на скамье, служившей ей рабочим местом, скомканную коровью кожу. Она разгладила ее с помощью деревянной лопатки, удалила остатки воды, внимательно осмотрела и поняла, что кожу поместили в известковый раствор только на этой неделе, так как на внутренней стороне частично остались мясо и жир, а на внешней кое-

где шерсть. Видимо, корова погибла от волчьих зубов, поскольку на коже были видны многочисленные укусы. Кроме того, она обнаружила следы гнойников, какие часто бывают у старых животных. На такую кожу и крысы не польстятся, подумала она.

– Разве не ты хотела стать подмастерьем? Сделай из этого пергамент, который ты так мечтала показать Уилфреду, и станешь, – ухмыльнулся Корне.

Тереза понимала, что это невозможно, но промолчала. Потребуется несколько дней, чтобы с помощью едких растворов и воды отчистить кожу, но она не собиралась сдаваться. Засучив рукава, она принялась щетинистым скребком удалять остатки мяса, которые не успели съесть насекомые. Затем перевернула кожу на другую сторону и начала энергично соскребать шерсть, постоянно промывая кожу водой, после чего отжала ее и разложила на скамье – посмотреть, где еще требуется чистка. После этого она собралась достать из специальной шкатулки кислоту, но с удивлением обнаружила, что шкатулка исчезла. Корне, поминутно улыбаясь, следил за ее работой. Иногда он отходил, будто вспоминал о каких-то более важных делах, однако вскоре возвращался. Тереза старалась не обращать на него внимания. Она понимала, что исчезновение шкатулки не случайно, но решила не тратить время на поиски. Вместо этого она взяла немного золы, смешала ее с навозом, оставленным мулами прямо у входа, и втерла полученную смесь в кожу, а потом специальным кривым ножом полностью отчистила ее от шерсти, что, правда, потребовало немало усилий.

После этого она наконец позволила себе перевести дух. Теперь нужно натянуть кожу на раму, чтобы получился своего рода гигантский бубен, а это сложная задача, поскольку в наиболее поврежденных местах она может порваться. Девушка приспособила к краям будущего пергамента небольшие камешки, обернутые кожей и похожие на толстые коровьи соски, и привязала к каждому веревку. Затем укрепила кожу на раме и начала растягивать, пользуясь идущими от «сосков» веревками, а убедившись, что слабые места выдержали, вздохнула с облегчением. Теперь нужно высушить кожу у огня и подождать, пока она окончательно растянется, после чего можно обрабатывать ее ножом. Она подвинула раму к очагу, горевшему в центре мастерской, где было не только самое теплое, но и самое светлое место, поэтому вокруг на скамьях лежали наиболее ценные кодексы, нуждавшиеся в восстановлении.

Сидя возле огня в ожидании, Тереза размышляла, откуда могла взяться эта кожа. Крупного рогатого скота почти не осталось, только у Уилфреда было несколько голов. Возможно, Корне приобрел корову у одного из графских управляющих с единственной, судя по состоянию кожи, целью – устроить ей испытание, которое невозможно выдержать.

В этот момент мастер подошел к очагу. Он провел пальцем по сочащейся влагой коже и недовольно взглянул на Терезу.

– Вижу, ты стараешься. Может, чему-нибудь и научишься, – сказал он, указывая на растянутую кожу.

– Я делаю все, что могу, господин, – ответила девушка.

– И эта дрянь – лучшее, на что ты способна? – с ухмылкой спросил Корне, доставая из чехла нож и поднося его к коже. – Видишь эти отметины? Тут обязательно порвется.

Тереза знала, что этого не произойдет: она внимательно все изучила и натянула так, чтобы избежать разрывов.

– Ничего не случится, – с вызовом сказала она.

И тут же почти физически ощутила ярость Корне. Очень медленно он стал водить кончиком ножа по натянутой коже, как разбойник кинжалом – по горлу жертвы. Наконец острое проткнуло кожу, оставив на ней тончайший разрез. Тереза со страхом наблюдала, как оно оставилось возле одной из опасных точек и начало давить на поверхность. В отблесках огня глаза Корне сверкали, рот приоткрылся, обнажив беззубые десны.

– Пожалуйста, не надо! – взмолилась Тереза.

В этот момент Корне вонзил нож в кожу, и она разорвалась на мелкие кусочки, которые, словно сухие листья, посыпались им на головы и спланировали прямо на очаг.

– Ох, какая жалость! – запричитал Корне. – Похоже, ты неправильно натянула кожу, а значит, придется тебе оставаться ученицей.

Тереза сжала кулаки, лицо ее исказила злобная гримаса. Она претерпела холод и унижение, она нянчилась с этой никуда не годной кожей, чтобы ее потом можно было хоть как-то использовать, она душу вложила в это испытание, и вот теперь Корне обрекает ее вечно выполнять работу для недоумков только потому, что она женщина.

Злость еще кипела в ней, когда Корне схватил ее за руку и со смехом произнес прямо в ухо:

– Ты всегда сможешь заработать на жизнь, разминая кожу какому-нибудь пьянчужке.

Этого Тереза уже не могла вынести. Она резко вырвала руку и собиралась уйти, но Корне преградил ей дорогу.

– Ни одна шлюха себе такого не позволяла, – прошипел он и ударил ее по лицу.

Тереза хотела защититься, но Корне опять крепко схватил ее, а когда она стала вырываться, толкнул, она поскользнулась, упала и ударилась о раму, возле которой еще недавно работала. Громоздкая конструкция зашаталась и с грохотом свалилась на горящий очаг. Раскаленные угли разлетелись повсюду, превратив мастерскую в подобие кузницы, – искры роились в воздухе и падали на ближайšie к очагу скамьи. Несколько угольков угодили на кодексы, и в мгновение ока огонь охватил все полки.

Корне попытался предотвратить пожар, но было уже поздно, потому что какой-то умник поспешил распахнуть двери и свежий воздух быстро раздул пламя. Огненные языки уже начали лизать крышу, сделанную из ветвей и дерева, а сухие листья заставили их взвиться до небес. Корне только успел убрать несколько тюков с готовыми пергаменами, как большая горящая ветвь упала туда, где стояла ошеломленная Тереза. Не обращая на нее внимания, он крикнул работникам, чтобы те брали все самое ценное, что попадется под руку, и бежали на улицу. Парни с радостью повиновались и, сталкиваясь друг с другом и хватая первые попавшиеся инструменты, устремились к выходу – так уносится в преисподнюю похищенная дьяволом душа. Один из них подбежал к девушке и хотел оттащить ее от огня, но, когда понял, что та уже пришла в себя, махнул на нее рукой.

Когда Терезе удалось подняться, мастерская напоминала ад; пламя пожирало все на своем пути и уже подбиралось к ней. Вдруг наверху раздался треск, и она подумала, что крыша сейчас обвалится, однако, приглядевшись, заметила, что огонь будто остановился: видимо, сырость и снег мешали его распространению. Девушка огляделась и поняла, что единственная возможность спастись – попасть во внутренний двор, так как выход на улицу был отрезан. Слева под полкой она увидела груды кодексов и, не раздумывая, схватила столько, сколько могла унести, накинула на голову еще влажную после купания в водоеме одежду, выскочила во двор и стала соображать, как оттуда выбраться. Вскоре она заметила в одном из углов вьющийся по стене виноград, по которому можно забраться на крышу, а оттуда перебраться на навесы возле собора. Сняв плащ, она завязала в него кодексы и уже собралась карабкаться наверх, как в мастерской раздался крик.

Тереза кинула тюк и бросилась внутрь. Дым слепил глаза, раскаленный воздух не давал дышать. За огненной стеной она различила съездившую от страха и отчаянно кричащую жену Корне. Наверное, огонь застал ее на чердаке, и она оказалась в ловушке. Приблизившись к девушке, насколько это было возможно, несчастная завизжала, словно свинья под ножом; одежда ее уже загорелась. Тереза попробовала подойти поближе, но в этот момент крыша над очагом затрещала и толстые ветки, составлявшие ее основу, начали ломаться. Тут она заметила, что на них лежит огромный слой снега. Схватив валявшуюся поблизости деревянную лопату, девушка стала с силой бить по ветвям. Снова раздался треск, но она, задыхаясь, не

останавливалась до тех пор, пока часть крыши не обвалилась. Обрушившаяся в проем снежная лавина частично погасила пламя, и жена Корне могла теперь выйти из огненного плена.

– Пойдем же, ради Бога, скорее! – закричала Тереза.

Женщина открыла глаза, перестала визжать, подошла к Терезе, поцеловала ей руку и неуклюже, переваливаясь на толстых ногах, побежала к водоемам.

3

Придя в скрипторий, Горгиас заметил, что наложенная Ценоном повязка насквозь пропиталась кровью. Здоровой рукой он размотал тряпицы, положил раненую руку на освещенный стол и попытался пошевелить пальцами, что удалось ему с большим трудом. Поскольку кровотечение было сильным, он попробовал зажать шов, но боль помешала ему это сделать. Открытая рана пульсировала, словно сердце находилось в руке, а не в груди. Обеспокоенный, он попросил слугу снова позвать врача и, пока тот не пришел, погрузился в размышления о случившемся.

Покинув мастерскую, он убедил сына Корне, что чувствует себя гораздо лучше, и отослал назад, хотя отец велел его сопровождать. Очень довольный, что можно побездельничать, парень быстренько убрался восвояси. На самом деле Горгиас был по-прежнему слаб, но ему хотелось в одиночестве осмотреть место, где его ранили. Он осуществил свои намерения, однако не обнаружил ничего, что помогло бы разгадать загадку.

В одном он не сомневался: напавший на него человек знал о бесценном пергаменте.

Скрип двери вывел Горгиаса из задумчивости. Посланный им слуга, попросив разрешения, вошел в комнату; с ним прибыл врач, весьма недовольный.

– Избави меня Бог от этих ученых мужей! Кичатся своими знаниями, а от любой болячки начинают причитать, как старухи по покойнику, – проворчал он, поднося лампадку к ране.

– Я еле шевелю пальцами, и кровь не останавливается, – пожаловался Горгиас.

Врач удостоил руку не большим вниманием, чем мясник, скручивающий голову петуху.

– Скажите спасибо, если ее не придется ампутировать. Черт возьми, что вы этой рукой делали? Переписывали Библию?

Горгиас не ответил. Конечно, он сам виноват, не надо было двигать ею во время недавних поисков. Врач тем временем рылся в своем мешке.

– Проклятье, у меня не осталось спорыша³! При вас ли порошки, которые я вам пропи-сал? – спросил Ценон, одновременно заглядывая в мешок пациента.

Горгиас вырвал у него 1ёмешок:

– Я забыл их в мастерской, потом кого-нибудь попрошу принести.

Врач удивленно пожал плечами – он не ожидал такой реакции.

– Как знаете... Однако должен вас предупредить: из всех ран меня беспокоит только рука. Если не будете осторожны, через неделю она станет ни на что не пригодной, даже на корм свиньям. А если потеряете руку, то потеряете и жизнь, не сомневайтесь. Сейчас я укреплю шов, нужно прекратить кровотечение, потерпите.

Горгиас скривился, но не столько от боли, сколько потому, что не мог не признать правоту врача.

– Неужели поверхностная рана может быть столь опасной?..

– Еще как может, даже если вы считаете иначе. Умирают ведь не только от чумы и золотухи, наоборот, кладбища забиты здоровыми людьми, погибшими от порезов и мозолей: сначала небольшая лихорадка, потом какие-то странные судороги, и прости-прощай. Возможно, вы не знакомы с учением Галена⁴, но я на своем веку повидал столько мертвецов, что за несколько месяцев могу определить, когда тот или иной субъект отправится в могилу.

³ Спорыш (птичий горец) – лекарственное растение, которое, в частности, улучшает свертываемость крови, ускоряет заживление ран, обладает противовоспалительным действием.

⁴ Гален (ок. 130 – ок. 200) – древнеримский врач. Дал первое анатомо-физиологическое описание целостного организма. Учение Галена было канонизировано церковью и господствовало в медицине в течение многих веков.

Закончив манипуляции с раненой рукой, врач собрал инструменты и в беспорядке побросал их в мешок. Тогда Горгиас приказал слуге выйти и подождать снаружи. Тот молча повиновался.

– Задержитесь на минуту, – сказал раненый. – Я хочу попросить вас об одном одолжении.
– Если это в моих силах...

Горгиас удостоверился, что слуга их не слышит.

– Я бы предпочел, чтобы граф ничего не знал о том, насколько тяжело я ранен. Я тружусь над одним документом, который вызывает у него особый интерес, и его наверняка встревожит мысль, что работа может задержаться.

– Но так оно и есть, вы не сможете держать перо по меньшей мере еще недели три, и то в том случае, если не будет ухудшения. А поскольку граф оплачивает мои труды, согласитесь, мне не пристало его обманывать.

– Я и не прошу вас обманывать, просто не распространяйтесь о том, когда следует ожидать моего выздоровления, а я уж найду способ закончить работу. Что касается оплаты ваших трудов...

Горгиас сунул левую руку в карман и достал несколько монет:

– Здесь больше, чем вам заплатил бы граф.

Врач взял поблескивающие в свете лампы монеты, внимательно осмотрел их, и глаза его загорелись от жадности. Затем он поцеловал металлические кружочки, спрятал их в свой мешок и, не сказав ни слова, направился к выходу, однако у двери остановился и повернулся к Горгиасу:

– Отдыхайте и ждите, пока рана затянется. Помните, что здоровье уносится галопом, а возвращается шагом. Если появятся гнойники, немедленно дайте мне знать.

– Не беспокойтесь, я выполню все ваши указания. А теперь, если вас не затруднит, позовите сюда слугу.

Подмигнув на прощание, врач исчез. Когда слуга вернулся в скрипторий, Горгиас пристально на него посмотрел. Тщедушный нескладный паренек выглядел не слишком сообразительным.

– Сейчас ты пойдешь в пергаментную мастерскую и скажешь моей дочери, что мне нужно лекарство, которое дал врач, она знает. Но прежде передашь графу, что я жду его в скриптории.

– Граф еще спит, – пробормотал юноша.

– Так разбуди его! – закричал Горгиас. – Скажи, он мне срочно нужен.

Слуга, часто кивая, закрыл за собой дверь, и его быстрые шаги скоро замерли вдали.

Горгиас огляделся и отметил, что все вокруг пропитано сыростью. Лампады едва освещали скамьи, на которых стояли, придавая скриптории какой-то фантастический вид. Из единственного узкого оконца, забранного прочной решеткой, слабый свет падал на гигантский деревянный стол, где царил невообразимый хаос: кодексы, чернильницы, перья и палочки для письма валялись вперемешку с резцами, скребками и губками. В помещении был еще один стол, в отличие от первого совершенно пустой. В крепком шкафу с двумя лампадами по бокам хранились наиболее ценные кодексы, на чьих корешках поблескивали кольца, от которых шли прикрепленные к стене цепи. На верхних полках отдельно стояли обычные Псалтыри и огромные арамейские Библии; на остальных груды переплетенных томов, различных посланий, сборников писем, грамот и описей пытались отвоевать пространство у полиптихов и цензов, где содержались сведения о расчетах и торговых сделках.

Он все еще размышлял об утреннем нападении, когда дверь, скрипнув, медленно открылась и факел на несколько мгновений ослепил его. Когда слуга отступил, в ярком свете возникла странная короткая фигура и надтреснутый голос произнес:

– Мой дорогой Горгиас, что вынудило вас так срочно послать за мной?

В этот момент раздалось хриплое рычание и крупный пес, оскалившись, направился к Горгиасу, потащив за собой другого. Поводья натянулись, и необычная повозка, в которую были впряжены животные, с трудом покатила, скрипя грубыми деревянными колесами, однако по приказу хозяина собаки тут же остановились. Горгиас различил голову Уилфреда, уродливо склоненную к правому плечу. Тот бросил поводья, протянул руки, и собаки немедленно принялись лизать их.

– С каждым днем мне все труднее удерживать этих дьяволов, – сказал он, – но одному Богу известно, что бы я без них делал. Моя жизнь была бы скучнее, чем у засохшей оливы.

Прошло много лет, но необычный вид графа по-прежнему пугал Горгиаса. Уилфред был прикован к этому сооружению на колесах, на котором он ел, спал и справлял нужду с юных лет, когда ему ампутировали обе ноги.

Горгиас отвесил приветственный поклон.

– Оставьте церемонии и скажите, что случилось.

Вместо ответа переписчик отвел взгляд. Он так торопился поговорить с графом, а теперь не знал, с чего начать. Вдруг один из псов сдвинулся с места, повозка резко дернулась и заскрежетала. Воспользовавшись моментом, Горгиас опустился на колени, чтобы осмотреть колеса и выиграть время, пока не найдутся нужные слова.

– Наверное, из-за тряски выпала какая-нибудь заклепка, доски разошлись и могут отлететь. Вы бы показали сиденье плотнику.

– Но для этого меня нужно поднять, что не так-то просто, а сам я не в состоянии.

Извиняясь за бестактность, Горгиас махнул рукой, и Уилфред не мог не заметить повязку.

– О небо, что с вами произошло?

– Ничего, так, ерунда, – соврал Горгиас. – По дороге к мастерской какой-то чужак слегка меня поцарапал. Позвали врача, и он настоял на том, чтобы завязать руку; вы ведь знаете этих коновалов: боятся, им не заплатят, если они ничего не перевяжут или не заклеят.

– Вы правы, но скажите, можете ли вы двигать рукой?

– Немного больно, но ничего, разработается.

– Итак, вы хотели срочно видеть меня...

– Разрешите, я присяду. Это касается документа. Я продвигаюсь не так быстро, как хотелось бы.

– Ну что ж, *aliquando bonus dormitat Deus*⁵. Главное – не продвигаться быстро, а прийти вовремя. С чем же связано это отставание? Вы мне ничего не говорили, – произнес он, пытаясь скрыть досаду.

– Не хотелось вас беспокоить. Думал, сам разберусь с перьями, но я слишком их заточил, и чернила стекают не так, как надо.

– Не понимаю, у вас ведь десятки перьев.

– Да, но не гусиных. Гусей, насколько вам известно, в Вюрцбурге не осталось.

– Продолжайте работать с теми, какие есть, не вижу особой разницы...

– Все дело в том, как стекают чернила. Если слишком быстро, можно испортить весь лист. Вы ведь помните, я пользуюсь пергаментом из кожи неродившегося телятца. Его поверхность настолько нежная, что любая погрешность в обращении с пером может привести к непоправимым последствиям.

– А почему вы не используете пергамент иного типа?

– Учитывая ваши намерения, это невозможно.

Уилфред поерзал на сиденье.

– И что же вы предлагаете?

⁵ Иногда и Бог дремлет (*лат.*).

– Я собираюсь, используя подходящее клейкое вещество, сделать чернила более густыми и надеюсь через пару недель этого добиться.

– Поступайте, как считаете нужным, но если вам хоть немного дорога ваша голова, документ должен быть готов к установленному сроку.

– Я уже начал заниматься чернилами, не волнуйтесь.

– Хорошо. Кстати, если уж мы здесь, мне хотелось бы взглянуть на пергамент. Не будете ли вы так любезны принести его...

Горгиас стиснул зубы. Он не мог признаться в том, что случилось во время нападения.

– Боюсь, это невозможно.

– Как невозможно? Что это значит?

– Его тут нет, я отнес его в мастерскую Корне, – в очередной раз соврал он.

– Какого черта? Ведь там любой может его увидеть! – вне себя закричал Уилфред.

– Простите, святой отец. Конечно, нужно было посоветоваться с вами, но вчера поздно вечером я заметил, что одна страница немного повреждена. Не знаю, из-за чего это произошло, но в таких случаях следует действовать немедленно. Мне потребовалась кислота, которой обычно пользуется Корне, однако, зная ваши опасения, я решил не вызывать у него подозрений своей просьбой и сам отнес документ в мастерскую. Кроме Терезы, там никто не умеет читать, и еще один текст среди сотен других вряд ли привлечет чье-то внимание.

– Звучит правдоподобно, но я не понимаю, почему в таком случае вы здесь, а не в мастерской. Заканчивайте там все свои дела и возвращайте его назад в скрипторий. И не называйте меня святым отцом, умоляю, я уже много лет не ношу сутану.

– Как прикажете. Сейчас соберу инструменты и немедленно отправлюсь, но прежде я хотел бы обратиться к вам с одной просьбой.

– Говорите.

– Эти дни... которые мне нужны для приготовления новых чернил...

– Да?

– Если ваше сиятельство позволит, я бы предпочел не приходить в скрипторий. Дома у меня есть все необходимое, и там гораздо спокойнее. Кроме того, мне придется переночевать за крепостными стенами, в лесу, мне нужно там кое-что найти.

– В лесу? В таком случае я попрошу *praefectus*⁶ выделить вам караульного для охраны. Если сегодня утром на вас напали внутри крепости, представьте, что может произойти за ее пределами.

– Благодарю, но не вижу в этом необходимости. Я хорошо знаю лес и попрошу Терезу сопровождать меня.

– Ну и ну! – расхохотался граф. – Вы все еще смотрите на свою дочь как на малютку, а она уже давно привлекает мужчин не хуже течной самки. Если саксы учуют девушку, вы и перекреститься не успеете. Так что позаботьтесь о документе, а я позабочусь о вас. К вечеру вам пришлют караульного.

Горгиас решил не перечить. Правда, он собирался посвятить ближайшие два дня поискам напавшего на него человека, а с караульным за спиной это будет непросто, однако сейчас беседу надо заканчивать, чтобы не пробуждать в Уилфреде еще больших подозрений. Собирая инструменты, он заговорил о другом:

– Как вы думаете, когда придет король?

– Карл Великий? Через месяц, возможно через два. С последней почтой пришло сообщение о скорой отправке обоза с провизией.

– Но нигде не проехать.

– Я знаю, однако рано или поздно придется попытаться, запасы уже на исходе.

⁶ Наместник (*лат.*).

Горгиас кивнул. С каждым днем им выдавали все меньше зерна, а скоро вообще ничего не останется.

– Ну что же, если вы больше ни о чем не хотите попросить...

Граф натянул поводья, щелкнул кнутом, и повозка тяжело стронулась с места. Он уже был у выхода, когда ворвался слуга, крича так, словно за ним гнался дьявол:

– Боже милостивый, мастерская! Там пожар!

4

Увидев остатки мастерской, Горгиас взмолился, чтобы Тереза не осталась под обломками. Внешние стены сгорели, крыша обвалилась, отчего огонь стал еще ярче, превратив здание в пылающий костер. Зрелище привлекло уже немало любопытных, и они всё прибывали. Наиболее отважные пытались помочь раненым, спасти какие-то вещи, потушить горящие угли. Придя в себя, Горгиас заметил Корне, склонившегося над какими-то балками. В перепачканной одежде, с изможденным лицом, он походил на нищего. Горгиас решительно направился к нему.

– Слава Богу, вы тут. Вы не видели Терезу?

Мастер резко повернулся, словно при нем упомянули дьявола, сделал прыжок и чуть не вцепился Горгиасу в горло.

– Это все твоя проклятая дочь! Да сгорит она до последней косточки!

Горгиасу удалось вырваться в тот момент, когда какие-то два парня подскочили рзнять их. Они попросили извинить Корне за эту вспышку, но Горгиас подозревал, что это был не просто порыв отчаяния. Тем не менее он поблагодарил парней за добрые намерения и продолжил поиски.

Обойдя все вокруг, он обнаружил, что огонь не только погубил мастерские и жилище Корне, но и перекинулся на крыши соседних хлевов и амбаров. К счастью, ни скота, ни зерна в них не было, поэтому потери ограничились одними постройками.

Он заметил также, что каменная стена вокруг мастерских не пострадала, поскольку Корне, которому надоели постоянные грабежи, в свое время распорядился заменить ее деревянный частокол. Благодаря такой предусмотрительности огонь не достиг пространства между стеной и водоемами.

В этот момент чья-то дрожащая рука дотронулась до его спины. Это оказалась Бертарда, жена Корне.

– Какое несчастье, какое страшное несчастье, – запричитала она со слезами на глазах.

– Бертарда, ради Бога, вы видели мою дочь? – с нетерпением воскликнул он.

– Она спасла меня, слышите? Она меня спасла!

– Слышу, слышу, но где она? Она ранена?

– Я сказала, чтобы она туда не входила, чтобы плюнула на книги, но она не послушалась...

– Бертарда, умоляю, скажите, где моя дочь! – И он начал трясти женщину за плечи.

Та пристально посмотрела на Горгиаса, но взгляд ее блуждал где-то далеко.

– Мы выбежали из мастерской, спасаясь от огня, – начала она. – Во дворе она помогла мне забраться на стену, а когда убедилась, что я в безопасности, сказала, что ей нужно вернуться за кодексами. Я крикнула, чтобы она не ходила, чтобы тоже лезла на стену, но вы же знаете, какая она упрямая. Сквозь бушующее пламя она вошла в мастерскую, но вдруг раздался сухой треск и крыша рухнула. Вы понимаете? Она меня спасла, и тут все обрушилось...

Горгиас в отчаянии ничком рухнул на землю и остался лежать недвижим среди развалин и запустения. Глеющие угли трещали, рассыпая кучи искр, серый дым медленно поднимался к небесам, возвещая о беде.

Если бы в нем оставалась хоть капля здравого смысла, он подождал бы, пока пожар закончится, но даже секунда промедления казалась ему невыносимой, и он двинулся вперед сквозь беспорядочные нагромождения столбов и брусьев, чувствуя, как огонь обжигает легкие, жар проникает до костей, а глаза режет от дыма. Сквозь тучи искр и пепла он едва различал свои руки, но его ничто не могло остановить. Отшвыривая ногами какие-то обгоревшие подпорки, полки и рамы, он шел и шел, громко повторяя имя Терезы. Вдруг, в очередной раз заплутавшись в дыму, он услышал сзади отчаянный крик о помощи. Горгиас резко развернулся и прямо

по горящим углям бросился на голос, но это оказался двенадцатилетний Иоганн Пискортос, сын кожевника Ханса. Горгиас, проклиная все на свете, бросился к нему и обнаружил, что тело его обожжено, а ноги придавлены тяжелой балкой.

Было ясно, что если сейчас же ему не помочь, он погибнет, и Горгиас, напрягшись, раздвинул набросанные поверх доски, однако балка не поддавалась. Тогда он оторвал кусок от своей повязки и прикрыл лицо мальчика, защищая от дыма.

– Иоганн, послушай меня. Мне нужна помощь, чтобы вытащить тебя отсюда. У меня ранена рука, и я не могу один сдвинуть эту балку. Вот что мы с тобой сделаем. Ты умеешь считать?

– Да, господин, до десяти, – сказал он с гордостью.

– Чудесно. Ты будешь дышать через эту повязку и после каждых пяти вздохов как можно громче кричать свое имя. Понял?

– Да, господин.

– Хорошо, тогда я пойду за подмогой, а заодно принесу кусок пирога и вкусное яблоко.

Ты любишь яблоки?

– Пожалуйста, не оставляйте меня, – заплакал мальчик.

– Я тебя не оставлю, просто позову кого-нибудь на помощь.

– Господин, не уходите, пожалуйста, – взмолился он, хватая Горгиаса за руку.

Горгиас взглянул на мальчика и чертыхнулся. Он понимал, что даже если найдет кого-то в помощь, ребенок их не дождется – тут почти нечем дышать. Иоганн так или иначе погибнет, сгорит или задохнется, не важно. И он, взрослый мужчина, ничего не может поделать, кроме как пойти за помощью.

Внезапно Горгиас нагнулся, схватился за балку обеими руками, присел и изо всех сил начал тянуть, так что спина хрустнула, однако он не остановился, словно от этих усилий зависела не только жизнь мальчика, но и его собственная. Он почувствовал, как швы на раненой руке стали лопаться, разрывая кожу и сухожилия, и все-таки продолжал свои судорожные движения.

– Ну же, проклятушая, давай! – кричал он.

Вдруг раздался треск, и балка сдвинулась на пару пальцев. Горгиас сделал глубокий вдох, в очередной раз глотнув дыма, еще поднапрягся, и балка приподнялась над мальчиком примерно на ширину ладони.

– Ну же, Иоганн, выбирайся!

Мальчик перекатился на бок, но тут силы оставили Горгиаса, и балка опять рухнула на землю. Чуть-чуть отдышавшись, он взвалил на плечи обессиленного ребенка и вынес его из этого ада.

На площади, куда жители сносили раненых, Горгиас увидел Ценона, склонившегося над мужчиной с обожженными ногами. Ланцетом он быстро вскрывал волдыри и тут же выдавливал из них жидкость, как сок из винограда. Ему помогал служка с испуганными глазами, который с сомнительной ловкостью прикладывал к ранам какую-то маслянистую мазь. С Иоганном за спиной Горгиас направился к Ценону, осторожно положил мальчика на землю и попросил заняться им. Бросив на ребенка быстрый взгляд, врач покачал головой.

– Я ничем не могу помочь, – твердо сказал он.

Горгиас схватил его за руку и отвел в сторону.

– Не обязательно говорить это при нем, – процедил он. – Все равно помогите ему, а там уж как Богу будет угодно.

Ценон усмехнулся.

– Вы бы о себе лучше заботились, – сказал он, указывая на окровавленную руку. – Дайте-ка я посмотрю.

– Сначала мальчик.

Ценон скривился, но все-таки склонился над раненым. Потом позвал своего помощника и взял у него из рук мазь.

– Свиной жир, лучшее средство от ожогов, – пояснил он, смазывая обожженные места. – Графу не понравится, что я трачу его без толку.

Горгиас промолчал. Все его мысли были заняты Терезой.

– Где-нибудь еще есть раненые? – наконец спросил он.

– Конечно. Самых тяжелых отнесли в церковь Сан-Дамиан, – промолвил врач, не глядя на него.

Горгиас тоже склонился над мальчиком и погладил его по голове. Тот в ответ попытался улыбнуться.

– Не слушай этого живодера, – пошутил он. – Вот увидишь, ты поправишься. – И не дожидаясь ответа, распрямился и направился в церковь на поиски дочери.

Церковь Сан-Дамиан была невысокой, но крепкой и надежной. Ее построили из тесаного камня, и сам Карл Великий выразил удовлетворение тем, что фундамент здания, воздвигнутого во славу Господню, столь же прочен, как вера в него. Перед входом Горгиас осенил себя крестным знаменем и вознес молитву за спасение Терезы.

Сразу за порогом в нос ударил запах горелого мяса. Он взял один из факелов, подвешенных в галереях, и направился к трансепту⁷, освещая по пути маленькие часовни, расположенные в боковых нефках. Дойдя до клироса, он увидел за алтарем набитые соломой мешки для раненых. Там же он заметил Эрика – живого, веселого паренька, который вечно торчал в мастерской в ожидании какого-нибудь поручения. Теперь же он лежал с обожженными ногами и душераздирающе стонал. Того, кто находился с ним рядом, Горгиас не признал – вместо лица была запекшаяся корка. Возле центральной апсиды он увидел Никодема, одного из подмастеров Корне, который исповедовался сам себе, за трансептом – толстого человека с повязкой на голове, из которой торчали одни уши, а у него за спиной – обнаженного юношу, в котором Горгиас узнал Целиаса, младшего сына Корне. Глаза у него были полузакрыты, шея неестественно вывернута; видимо, он умер в страшных мучениях.

Никто из присутствующих не знал, где Тереза.

Тогда Горгиас упал на колени и стал молиться о душе своей пропавшей дочери. Поднявшись, он собирался продолжить поиски, но силы внезапно покинули его. Сотрясаемый дрожью, он привалился к колонне, однако взгляд его затуманился, потом все поглотила темнота и он без сознания рухнул на землю.

В полдень звон колоколов привел его в чувство. Постепенно пелена с глаз исчезла, и расплывчатые прежде фигуры стали четкими, словно их прополоскали в чистой воде. Он тут же увидел свою жену Рутгарду, пытавшуюся улыбнуться, хотя лицо у нее было заплаканное. Чуть дальше Ценон возился с какими-то склянками. Вдруг руку пронзила такая боль, что он подумал, не отрезали ли ее, но оказалось, она на месте, да еще аккуратно перевязанная. Тем временем Рутгарда приподняла его и подсунула под спину мягкую подушку. Тут Горгиас заметил, что он по-прежнему находится внутри церкви, в одной из часовен.

– Тереза не появилась? – спросил он.

Рутгарда с горечью посмотрела на него, заплакала и уткнулась лицом в плечо.

– О Боже, что произошло? – воскликнул он. – Где моя дочь? Где Тереза?

Ответом ему было молчание. Вдруг в нескольких шагах от себя он заметил накрытое простыней неподвижное тело.

– Ценон нашел ее в мастерской под рухнувшей стеной, – всхлипывая, сказала Рутгарда.

⁷ Поперечный неф, пересекающий под прямым углом основные (продольные) нефы.

– Нет! Ради всех святых, нет! Это неправда!

Горгиас поднялся и подбежал к телу. Из-под савана с каким-то нелепым белым крестом торчала обожженная то ли рука, то ли нога. Горгиас резко сдернул покрывало, и глаза его округлились от ужаса. Перед ним лежала обуглившаяся фигура, опознать которую было невозможно, и у него еще оставалась бы надежда, если бы не чудом сохранившиеся голубые лохмотья – все, что осталось от любимого дочкиного платья.

Как только наступил вечер, люди начали собираться к церкви на похороны. Дети болтали и смеялись, уворачиваясь от шлепков взрослых, а самые нахальные даже передразнивали плачущих женщин. Несколько одетых в темное старух столпились вокруг Брунильды – вдовы, которая содержала дом терпимости и всегда была в курсе событий. На сей раз она заинтриговала своих товарок известием о том, что мастерская загорелась из-за дочери переписчика и что жертвы – это еще полбеда, а истинное несчастье – потеря съестных припасов, которые Корне прятал в амбарах.

Постепенно присутствующие разбились на кучки, обсуждая количество раненых, их ожоги и причины пожара. Время от времени какая-нибудь женщина перебежала от одной кучки к другой, не в силах сдерживать любопытство и даже улыбаясь в предвкушении новых слухов. Тем не менее, несмотря на всеобщее возбуждение, прибытие графа Уилфреда было воспринято с удовольствием, поскольку дождь усиливался, а мест, где можно было бы спрятаться, на всех не хватало.

Как только церковные двери открылись, подмастерья поспешили занять лучшие места. Мужчины всегда садились у алтаря, оттесняя женщин и детей назад. Корне с женой уселись в первом ряду, предназначенном для родственников погибших. Рядом с ними на мешках с соломой устроились два их раненых сына. Тело младшего, Целиаса, завернутое в льняной саван, лежало рядом с телом Терезы на столе перед алтарем. Горгиас и Рутгарда отклонили приглашение Уилфреда и сели чуть дальше, желая избежать новой стычки с Корне.

Граф ждал у входа, пока все прихожане займут свои места. Когда разговоры стихли, он ударил кнутом, и собаки подвезли его по одному из боковых нефов к трансепту. Там два церковных служителя помогли переместить повозку за алтарь, надели на собак кожаные капюшоны и развязали ремни, которыми граф был привязан к сиденью. Затем с Уилфреда сняли его обычное облачение и надели белый подрясник, подпоясанный особым шнуром, поверх – расшитое одеяние с серебряными колокольчиками по нижнему краю, а на голову – пышный убор из дамаста. После этого привратник омыл ему руки в специальной чаше и поставил рядом с сосудами, где хранится миро, скромный похоронный потир. Два канделябра слабо освещали саваны погибших.

Толстый священник с трудом подошел к алтарю с Псалтырью в руках, благоговейно открыл ее, поцеловал указательный палец и начал службу с чтения четырнадцати стихов, как предписывал устав монастыря святого Бенедикта. Затем он пропел четыре псалма и следом еще восемь, после чего прочитал литанию и заупокойную молитву. Потом слово взял Уилфред, и одного его присутствия оказалось достаточно, чтобы пересуды на время стихли. Он пытливо вглядывался в присутствующих, словно пытался найти виновника трагедии. Вот уже два года, как он не надевал одежды священника.

– Возблагодарим же милосердного Господа за то, что он до сих пор испытывает к нам сострадание, – возвестил граф. – Привыкнув получать от жизни одни удовольствия и предаваться наслаждениям, вы легкомысленно забыли, зачем пришли в этот мир. Вы напускаете на себя благочестивый вид, возносите молитвы, подаете милостыню и потому воображаете, будто все, чем вы владеете, – плод ваших усилий. В своем ослеплении вы желаете женщин, не похожих на ваших жен, завидуете тем, кто обласкан судьбой, и ради вожаемого богатства готовы даже отрезать себе уши. Вы полагаете, что жизнь – это пир, на который вас пригласили и где для вас приготовлены самые изысканные кушанья и напитки. Но лишь будучи невежествен-

ным, обладая эгоистичным разумом и уязвимой душой, можно забыть, что наши жизни – во власти Отца Небесного. И как глава семьи порет детей за непослушание, как судья повелевает отрезать язык лгуну или отрубить руку охотнику, преступившему закон, так и Господь карает тех, кто забывает его заповеди, и кара эта ужасна.

По церкви пробежал шепоток.

– Голод стучится в наши двери, – продолжил граф, – проникает в наши дома и отнимает у нас детей. Дожди заливают поля, болезни губят скот. А вы ничего не делаете, только жалуетесь! У Господа свои замыслы, и он посылает вам знак, но в ответ слышит лишь ропот. Молитесь, пока ваши души не очистятся от злобы и зависти, и возносите в своих молитвах хвалу Господу! Он забрал Целиаса и Терезу из созданного вами греховного мира, и теперь, когда их души вырвались на свободу из развращенного тела, вы рыдаете, как женщины, и рвете на себе волосы. Я призываю вас одуматься, ибо они – не последние. Господь указывает вам путь. Забудьте о своих страданиях и трепещите, поскольку в этом мире вы не попадете на пир, которого возжелаете. Вымаливайте прощение, и тогда, возможно, вы очутитесь на Его пиру, а те, кто отвергнет Его, будут прокляты на веки вечные.

Уилфред замолчал. С годами он понял, что упоминание вечного проклятия всегда оказывает нужное воздействие независимо от того, по какому поводу произносится речь. Однако Корне нахмурился и выступил вперед.

– С вашего позволения, – громко произнес он. – С тех пор как я впервые причастился, я считаю себя добрым христианином: по утрам молюсь, по пятницам пощусь, заповеди выполняю. – Он оглянулся, словно в поисках одобрения. – Сегодня Господь забрал у меня Целиаса – здорового, крепкого, хорошего парня. Я повинуюсь Божьему промыслу и умоляю Его не оставить душу моего сына, а также мою, моих домочадцев и всех присутствующих. – Тут он слотнул и повернулся к Горгиасу. – Но виновница этого несчастья не заслуживает того, чтобы мы молились о смягчении уготованной ей кары. Она не имела права переступить порог моей мастерской. Если Господь прибегает к смерти, чтобы чему-то научить нас, мы должны воспользоваться его уроком. И если Ему дано судить мертвых, то мы должны судить живых.

Церковь содрогнулась от криков.

– *Nihil est autem tam volucre quam maledictum, nihil facilius emittitur, nihil citius excipitur, latius dissipatur*⁸! – воскликнул Уилфред. – Несчастные невежды, разве вы не знаете, что нет ничего быстрее и проще, чем оклеветать человека, ибо клевета распространяется и воспринимается лучше всего? Я слышал, в чем обвиняют Терезу, но никто из вас не знает правды о случившемся. Избегайте лжи и низких поступков, потому что нет такой тайны, которая рано или поздно не раскрылась бы. *Nihil enim est opertum, quod non revelabitur: et occultum, quod non scietur*⁹.

– Лжи, говорите? – Корне в негодовании всплеснул руками. – Да я сам испытал на себе гнев этой дочери Каина. От ее ненависти вспыхнул огонь, разрушивший мою жизнь, и я не боюсь говорить об этом здесь, в Божьем храме. Целиас подтвердил бы мои слова, если бы не погиб по ее вине, но это могут подтвердить все, кто там был, и клянусь Всевышним, они это сделают, когда Горгиас с семьей предстанут перед судом. – Не дожидаясь разрешения Уилфреда, он взвалил на плечи тело сына и в сопровождении домочадцев покинул церковь.

Горгиас подождал, пока церковь окончательно опустеет. Он хотел поговорить с Уилфредом насчет погребения Терезы, другого подходящего момента может и не представиться. Кроме того, его страшно поразили слова Уилфреда. Он знал от Рутгарды, что Терезу, по слу-

⁸ «Нет ничего столь быстрого, как хула, ничто так легко не слетает с языка, ничто так быстро люди не подхватывают, ничто так широко не распространяется» (лат.). Цицерон. Речь в защиту Планция.

⁹ «(Ибо) нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано» (лат.). Мф., X, 26.

хам, считают виновницей пожара, но предостережения графа заставляли предполагать что-то другое. В ожидании мужа Рутгарда на улице обсуждала с соседками предстоящие похороны. Горгиас застал Уилфреда ласково треплющим своих собак и в который раз поразился, как безногий человек с такой легкостью управляет с этими чудовищами.

– Я очень сожалею о вашей потере, – сказал Уилфред, горестно покачивая головой. – Ваша дочь была действительно хорошей девушкой.

– У меня больше ничего не осталось, в ней была вся моя жизнь. – И глаза Горгиаса наполнились слезами.

– Многие полагают, что нет ничего страшнее собственной смерти, но это не совсем верно. Со смертью ребенка родители тоже превращаются в ходячих мертвецов, и чем более пуста их жизнь, тем она тяжелее – такова злая ирония судьбы. Но ваша жена еще молода, и, возможно, вы могли бы...

Горгиас отрицательно покачал головой. Они уже много раз пытались, но Господь не пожелал одарить их еще одним ребенком.

– Единственное мое желание – похоронить Терезу как истинную христианку, ибо она таковой и являлась. То, о чем я собираюсь просить, трудно выполнить, но я умоляю вас внять моей просьбе.

– Если это в моих силах...

– В последнее время я видел ужасные вещи: обнаженных мертвецов вдоль дорог; трупы, брошенные в навозные ямы; тела, извлеченные из могил отчаявшимися голодными людьми. Я не хочу, чтобы подобное произошло с моей дочерью.

– Конечно, но я не понимаю, каким образом...

– Кладбище во внутреннем дворе церкви. Я знаю, там покоятся только духовные лица и знатные люди, но я прошу вас об этом как о высочайшей милости, ведь я столько сделал для вас...

– Я для вас тоже, Горгиас, но это совершенно невозможно. На кладбище уже нет места, а могилы в часовнях принадлежат церкви.

– Я знаю, но я думал об участке около колодца, там еще никого не хоронили.

– Но ведь там почти голые камни.

– Это не имеет значения, я вырою могилу.

– Такой рукой?

– Найду кого-нибудь в помощь.

– Все равно ваша мысль не кажется мне удачной. Люди не поймут, почему девушка, обвиненная в убийстве, покоится рядом со святыми.

– Но как же так? Ведь еще несколько минут назад вы ее защищали.

– Да, защищал, – кивнул он. – Один из раненых работников, Никодем, видимо, чувствуя приближение смерти, попросил исповедать его и, перечисляя свои грехи, заодно рассказал о случившемся. Похоже, все происходило не совсем так, как описал Корне.

– То есть Тереза не является виновницей пожара?

– Этого тоже утверждать нельзя, тут много неясного. Но даже если обвинение Корне ложно, доказать это будет очень трудно. Я должен соблюдать тайну исповеди, а остальные работники скорее всего поддержат Корне. Я не думаю, что Никодем выживет, но даже при благоприятном исходе он наверняка откажется от своих слов, ведь он работает на Корне.

– А Корне – на вас.

– Мой дорогой Горгиас, иногда вы недооцениваете власть Корне. Да, люди его не уважают как работника, но они боятся его семьи. Некоторые жители уже испытали на себе его ярость. Его сыновья обнажают меч с той же легкостью, с какой отрок – свой член.

– Но вы же понимаете, что моя дочь не могла этого сделать, вы же знали Терезу. Она была доброй и милосердной девушкой! – И слезы опять полились у него из глаз.

– Да, и упрямой, как мул. Послушайте, Горгиас, я высоко ценю вас, но не могу выполнить вашу просьбу. Мне искренне жаль.

Горгиас задумался. Он понимал Уилфреда, но не мог допустить, чтобы тело его дочери оквернили, бросив в навозную яму.

– Ну что же, ваше сиятельство, мне остается только одно. Если я не могу похоронить дочь в Вюрцбурге, придется ехать в Аквисгранум.

– В Аквисгранум? Вы, наверное, шутите. Нигде не проехать, и даже если вы раздобудете повозку с волами, саксы разорвут вас на части.

– Все равно я так поступлю, пусть это будет стоить мне жизни.

Горгиас выдержал взгляд Уилфреда. Он знал: граф нуждается в его услугах и не допустит, чтобы с ним случилось несчастье.

– Не забывайте, за вами документ, – наконец произнес Уилфред.

– А за вами – похороны.

– Не испытывайте судьбу. Если до сих пор я защищал вас, как сына, это еще не дает вам права дерзить мне, – сказал он и опять принялся поглаживать собак. – Надеюсь, вы помните, что именно я приютил вас, когда вы пришли в Вюрцбург и побирались на улицах, выпрашивая кусок хлеба. Именно благодаря мне вас вписали в реестр свободных горожан, хотя у вас не было необходимых для этого документов и оружия, и именно я дал вам работу, которая до сих пор вас кормила.

– Я не настолько неблагодарен, чтобы забыть об этом, но минуло уже шесть лет, и мне кажется, своей работой я с лихвой отплатил вам за помощь.

Уилфред строго взглянул на Горгиаса, но затем лицо его смягчилось.

– Мне очень жаль, но я не могу вам помочь. Корне уже наверняка донес судье о случившемся, и с моей стороны было бы безрассудством заниматься похоронами человека, которого могут обвинить в убийстве. И еще одно. Позаботьтесь о себе, потому что Корне не оставит вас в покое, можете не сомневаться.

– Но почему? Ведь во время пожара я был с вами в скриптории...

– Вижу, вы еще не знаете сложные законы Каролингов, а надо бы, если вам дорога собственная голова.

Уилфред ударил кнутом, и собаки уверенно двинулись вперед, будто знали, куда нужно везти хозяина. По боковому проходу они доставили повозку в роскошно убранные покои. Горгиас, повинувшись указаниям графа, последовал за ними.

– Здесь обычно останавливаются самые знатные гости: князья, епископы, короли. А в этом маленьком зале хранятся все капитулярии¹⁰ нашего короля Карла со дня его коронации. Тут же мы храним сборники древних франкских законов, декреталии и акты Майских собраний¹¹... Короче говоря, все писанные нормы, по которым живут франки, саксы, бургунды и лангобарды. А теперь дайте-ка я посмотрю...

Уилфред подкатил к низкой полке, видимо, специально сделанной такой высоты, и начал перебирать один за другим тома в переплетных досках. Наконец он остановился у какого-то истертого тома, с трудом вытащил его и стал перелистывать, смачивая пальцы кончиком языка.

– Ага, вот оно. *Capitular de Vilis. Poitiers, anno domine 768. Karolus rex francorum*¹². Разрешите, я прочитаю: «Если свободный человек нанесет вред жизни или имуществу человека, занимающего равное ему положение, и по той или иной причине будет не способен ответить за свой проступок, семья виновного понесет такое же наказание, какое должен был понести он».

¹⁰ Капитулярия – закон, распоряжение франкских королей из династии Каролингов.

¹¹ Майские собрания – проходившие в мае ежегодные собрания всех мужчин королевства Каролингов, которые имели оружие.

¹² Капитулярия Вилиса. Пуатье, 768 год. Карл, король франков (*лат.*).

Уилфред закрыл книгу и вернул ее на полку.

– Моя жизнь в опасности? – спросил Горгиас.

– Не знаю, но не думаю. Я давно знаком с Корне. Он эгоист и, вероятно, может быть опасен, но он еще и проныра каких мало. Мертвый вы ему ни к чему, его интересует ваше имущество. Вот его семья – другое дело. Они – выходцы из Тюрингии, из Верхней Саксонии, а тамошние обычаи сильно отличаются от франкских.

– Ну, если ему нужно богатство... – Горгиас с горечью усмехнулся.

– Самая большая опасность заключается в том, что по суду вы можете попасть на рынок рабов.

– Сейчас меня это не волнует. Когда я похороню дочь, тогда и решу, как этой опасности избежать.

– Ради Бога, Горгиас, поторопитесь. Подумайте хотя бы о Рутгарде, она ведь ни в чем не виновата. Вам нужно подготовиться к защите, а в случае необходимости – и к бегству. Люди Корне будут преследовать вас, как собаку.

Горгиас опустил голову. Если Уилфред не разрешит погребение здесь, ему придется везти тело в Аквисгранум, но этому, если верить графу, могут помешать родственники Корне. Остается одно – доказать невиновность Терезы, и тогда Уилфред не станет противиться.

– Тереза будет похоронена сегодня ночью во внутреннем дворе церкви, а вы, ваше сиятельство, займетесь судебным разбирательством. В конце концов, моя свобода гораздо нужнее вам, чем мне.

Граф дернул вожжи, и псы угрожающе зарычали.

– Послушайте, Горгиас. С тех пор как вы начали работать над пергаментом, я снабжал вас едой, ради которой многие пошли бы даже на убийство, и по причине такого к вам отношения вы теперь перегибаете палку, причем до такой степени, что я подумываю о пересмотре наших договоренностей. Конечно, ваши знания и умения мне необходимы, но, предположим, несчастный случай, болезнь или хотя бы этот суд помешают вам завершить начатое дело. Неужели вы полагаете, что я откажусь от своих планов и ваше отсутствие воспрепятствует их выполнению?

Горгиас понимал всю шаткость своего положения, однако ему ничего не оставалось, как продолжать давить на Уилфреда. В противном случае он окажется в навозной яме вместе с Терезой.

– Не сомневаюсь, что в конце концов вы кого-нибудь найдете, никто не может помешать вам это сделать. Но родным языком этого переписчика должен быть греческий; он должен знать обычаи древнего императорского двора, владеть искусством дипломатии не хуже каллиграфии, уметь отличать пергаменты из кожи еще не родившегося и новорожденного ягненка и, конечно, держать рот на замке. Много ли вы знаете таких людей? Двоих, может, троих? И возьмется ли кто-нибудь из них за столь сомнительное поручение?

Казалось, Уилфред вот-вот зарычит не хуже своих псов. Его покрасневшая от гнева, неестественно вывернутая голова выглядела еще уродливее, чем обычно.

– Чего вы хотите? Чтобы мы все угодили в ад?

– Нет, этого я не хочу.

– Тогда какого черта вы вбили себе в голову, будто я могу помочь вам? Я представляю в Вюрцбурге закон. Меня поставил сюда Карл Великий.

– Но сейчас решать должны вы. Неужели хранитель тайны, которая изменит будущее христианского мира, отступит из боязни вызвать раздражение простого монарха?

Как только Рейнхольд и Лотария узнали последние новости, они тут же пришли в церковь Сан-Дамиан помочь с похоронами Терезы. Лотария была старшей сестрой Рутгарды, а

после ее брака с Рейнхольдом связь между двумя семьями стала еще прочнее. Все подготовив, Горгиас дал знать Рейнхольду, что тело можно переносить. Рутгарда и Лотария пошли вперед, чтобы начать приготовления, но Горгиас и Рейнхольд, воспользовавшись найденными в церкви носилками, скоро догнали их.

Дома Горгиас положил тело Терезы на тюфяк, где она всегда спала. Взгляд его застыл на покойнице, глаза покраснели от слез. Он не мог представить, что никогда больше не порадует ее улыбке, не увидит ее живые глаза и порозовевшие щеки, что от ее прелестных черт останется лишь безобразный череп.

Ночь предстояла долгая, холод пробирал до костей, и Рутгарда, прежде чем заняться делами, предложила подкрепиться чем-нибудь горячим. Горгиас развел огонь в очаге, и Рутгарда поставила разогреваться сваренный накануне суп из репы, добавив в него воды и принесенный Лотарией кусочек масла. Сама Лотария тем временем прибиралась в углу, который показался ей подходящим для обрядов покойницы. Несмотря на пышные формы, она двигалась с ловкостью белки, и в мгновение ока место было очищено от разных инструментов и утвари.

– Ваши дети знают, что ночью вас не будет дома?

– Да, Лотария им сказала, – вмешался Рейнхольд. – Наверное, не стоит этого говорить, но моя жена – настоящее сокровище. Как только она узнала о случившемся, тут же побежала к акушерке попросить флакончик душистого масла. Иногда мне кажется, что она соотносится лучше многих мужчин.

– Наверное, у них это семейное. Рутгарда тоже очень разумная женщина, – сказал Горгиас.

Рутгарда улыбнулась. Муж редко говорил ей приятные слова, но он был на редкость порядочным человеком, и она гордилась им.

– Хватит нас расхваливать, сходите лучше за дровами, пока я занимаюсь покойницей. Когда закончу, скажу, – проворчала Лотария.

Рутгарда налила в миску суп и подошла к Горгиасу.

– Видишь, он со мной согласен. Вы соотносится лучше многих мужчин, – повторил Рейнхольд.

Оба с жадностью набросились на еду. Затем Горгиас внимательно осмотрел единственный в помещении сундук и начал вынимать оттуда вещи.

– Что ты ищешь?

– Думаю, из него можно сделать гроб. У меня есть еще несколько досок, они тоже пригодятся.

– Но у нас нет другого. Нельзя же бросать вещи на пол, – воспротивилась Рутгарда.

– Можно положить их на постель Терезы, а потом я куплю тебе еще лучше, не волнуйся, – сказал Горгиас, опустошив сундук. – Когда закончите с телом, завяжи в одеяло все самое нужное: еду, посуду, одежду, инструменты, а я займусь книгами.

– Боже мой! Что еще случилось?

– Ничего не спрашивай и делай, как я говорю.

Горгиас попросил Рейнхольда помочь ему, и вдвоем они вытащили сундук наружу. Пока Рутгарда выполняла указание мужа, Лотария занялась своим делом. Конечно, она не в первый раз обрядила покойника, но никогда не видела, чтобы кожа отваливалась кусками, как кора эвкалипта. Она осторожно сняла остатки одежды, вымыла теплой водой почерневшее обожженное тело, побрызгала его пахучим кардамоновым маслом и завернула до плеч в льняную простыню. После этого из какой-то сильно поношенной юбки вырезала ножом ровный лоскут, чтобы украсить саван. Когда она закончила, Рутгарда уже собрала все необходимое.

– Хотя она и не была моей дочерью, я всегда любила ее как родная мать, – сказала Рутгарда со слезами на глазах.

Лотария промолчала. То, что Рутгарда не могла забеременеть, само по себе было несчастьем, а тут еще потеря падчерицы – какие уж тут слова...

– Мы все ее любили, – все-таки произнесла она. – Она была хорошая девушка, хотя и странная. Ну все, пойду позову мужчин.

Она вытерла руки и крикнула Горгиаса и Рейнхольда. Те вернулись с переделанным из сундука необычным гробом.

– Некрасивый, но ничего, сойдет, – сказал Горгиас и отнес гроб к тому месту, где лежала Тереза. Он с горечью посмотрел на дочь и повернулся к Рутгарде. – Я разговаривал с Уилфредом. Он предупредил, что Корне наверняка донесет на нас.

– На нас? Но чего хочет этот плебей? Чтобы нас изгнали отсюда? Или признания, что Тереза не должна была входить в мастерскую? Ради Бога, неужели мы еще недостаточно наказаны?

– По его разумению, видимо, нет. Наверное, он хочет возместить ущерб, причиненный пожаром.

– Но как он хочет его возместить, если у нас даже есть почти ничего.

– То же самое я сказал Уилфреду, но согласно франкским законам они могут отнять у нас все, чем мы владеем.

– Да? И чем же мы владеем, если все наше добро уместилось в этом тюке?

– Они могут забрать дом, – подала голос Лотария.

– Дом взят внаем, – сказал Горгиас, – и это действительно очень плохо.

– Почему плохо? – нетерпеливо спросила Рутгарда.

Горгиас пристально посмотрел на жену и на несколько секунд задержал дыхание, собираясь с духом.

– Потому что нас могут продать на рынке рабов.

От ужаса Рутгарда застыла с открытым ртом и широко распахнутыми глазами, а потом уткнулась лицом в колени и разрыдалась. Лотария укоризненно покачала головой и начала выговаривать Горгиасу за такие поспешные выводы.

– Я сказал, что они могут так сделать, но это не значит, что у них получится, – попытался оправдаться он. – Сначала они должны доказать вину Терезы. Кроме того, Уилфред сказал, что поможет нам.

– Поможет? – сквозь всхлипывания с сомнением спросила Рутгарда. – Этот калека?

– Он обязательно поможет. А ты пока перенеси все вещи в дом к Рейнхольду, чтобы ни у кого не возникло соблазна свершить суд по своему усмотрению. Оставь какой-нибудь битый горшок да пару драных одеял. Можно вытрясти из тюфяков солому и сложить вещи туда, так ты привлечешь меньше внимания. Потом вы с Лотарией и детьми запритесь у них в доме, а мы с Рейнхольдом займемся похоронами. Вернемся на рассвете.

Оставшись один, Горгиас уселся на гроб и стал ждать, когда стемнеет. Он сказал Рейнхольду, что придет во внутренний двор церкви после заката, так что теперь ему оставалось лишь охранять тело да дожидаться первых звезд. Спустя несколько мгновений перед его мысленным взором предстала фигура Терезы. Он вспомнил Константинополь, эту жемчужину Босфора, вспомнил времена удачи и благополучия, радости и счастья. Как они далеки, и как горьки эти воспоминания! Никто в Вюрцбурге даже представить не может, что Горгиас, скромный переписчик из скриптория, некогда был патрицием в первом городе мира, далеком Константинополе.

Он вспомнил рождение дочери – персикового цвета живой комочек, дрожащий у него в руках. Несколько недель после этого вино и мед лились рекой. Он разослал сообщения во все концы империи, повелел воздвигнуть алтарь на задах своей усадьбы и приказал слугам отметить радостное событие богатыми подношениями. Даже титул вельможи в свое время не принес ему такого полного удовлетворения. Жена Отиана сожалела, что не подарила ему сына,

но он не торопился. В этой девочке текла его кровь, кровь Теолопулосов – самого знаменитого в Византии торгового рода, который уважали и боялись от Дуная до Далмации, от Карфагена до Равеннского экзархата¹³, далеко за границами владений Теодосия¹⁴. Времени много, будут еще дети, и залы наполнятся смехом и топотом маленьких ножек. Они молоды, вся жизнь впереди. По крайней мере, он думал именно так...

Вторая беременность обернулась страшным несчастьем. Лекари объясняли смерть Отианы какой-то необычайной мягкостью плода... Проклятые невежды! Они даже не сумели облегчить ее страдания.

На несколько месяцев он погрузился в отчаяние. В каждом углу он видел жену, слышал ее смех, ощущал запах ее духов. Наконец, по совету братьев, он решил сбежать от снедавшей его тоски в древний Константинополь. Купил дом с большим садом неподалеку от форума Траяна и поселился там со своими слугами и кормилицей.

Тереза росла в окружении книг и рукописей, которые были ее единственным увлечением и средством от всех болезней, неведомым ни одному врачу. Титул патриция и дружба с доверенным придворным императора открыли ему двери в библиотеку Софийского собора – самое крупное хранилище христианских знаний. Каждое утро он приходил сюда вместе с Терезой, и пока девочка играла с фазанами, он перечитывал Вергилия, выписывал цитаты из Плиния или декламировал Люциана¹⁵. В шесть лет малышка начала интересоваться, чем занимается отец. Устроившись у него между колен, она просила дать ей один из кодексов, над которыми он работал, и Горгиас в конце концов уступил. Сначала, чтобы просто занять ее, он давал ей поврежденные листы, но вскоре заметил, что дочь удивительно точно и аккуратно повторяет все движения его руки.

С течением времени невинное, казалось бы, развлечение стало серьезным поводом для беспокойства. Тереза почти не играла с другими девочками, а если и играла, то расписывала их одежду украденными на птичьем дворе перьями. Горгиас рассказал обо всем Реодракису, хранителю библиотеки, и тот не только убедил посвятить дочку в секреты письменности, но и сам вызвался быть ее наставником. Так Тереза научилась читать, а чуть позже провела первые линии по вощенной табличке.

Когда ей было шестнадцать, от столь любимшегося ей чтения пришлось отказаться. Императрица Ирина убила своего мужа, императора Юстиниана. За его смертью последовали бесконечные расправы над теми, кто осмеливался сопротивляться новоиспеченной императрице, многие были задержаны и казнены. Кроме прямых противников, гнев императрицы распространялся и на тех, кого с Юстинианом связывали политические и деловые отношения, – они тоже могли оказаться на кладбище.

Однажды ночью его друг, бывший придворный, появился у него в доме с парой лошадей. Если бы не он, Горгиас с дочерью на следующий день были бы казнены. Они убежали сначала в Салоники, потом в Рим и, наконец, в холодные германские земли.

Но почему он вспомнил все это именно сейчас? Зачем ворошить печальное прошлое, когда и так больно?

«Проклятая судьба, похожая на жестокую бурю. Ее капризы опустошили мою душу, вырвав то, что ей принадлежало. Мерзкие вериги, путь, ведущий к наказанию. Возьми меня с собой, и я подарю тебе свою ненависть. Подойди и обними меня».

Он закрыл глаза и заплакал.

¹³ Равеннский экзархат – византийская провинция, образованная в конце VI в. н. э. на северо-востоке Италии. Управлялась наместником – экзархом.

¹⁴ Теодосий III (715 – 717) – византийский император.

¹⁵ Люциан (125 – 192) – древнегреческий писатель.

Несмотря на то что копать было тяжело, вскоре после полуночи могила была готова. В этот час все служители церкви мирно спали, и Уилфред смог тайно провести погребение. Он не велел ставить над могилой ни креста, ни какого-либо другого знака, чтобы никто не узнал о произошедшем.

– Что касается документа... – начал граф.

Горгиас взглянул на него покрасневшими от слез глазами. Под этим взглядом Уилфред склонил голову и оставил Горгиаса наедине с его горем.

5

В ту ночь северный ветер выстудил Бюрцбург до последнего закоулка. Мужчины торопливо затыкали щели и разжигали огонь в очагах, женщины пытались согреть детей среди тюфяков, и все молились, чтобы припасенных дров хватило до утра.

Люди смиренно терпели холод и все-таки кое-как засыпали возле кучки раскаленных углей, но Тереза даже не пыталась это сделать. От плача веки у нее распухли, воспаленные глаза еле различали стены хижины, где она нашла пристанище, кожа до сих пор пахла дымом, а обгоревшая одежда напоминала о пережитом кошмаре. Девушка в очередной раз разрыдалась и стала просить у Господа прощения за свои грехи.

В памяти опять пронеслись картины происшедшего: ухмылки парней из мастерской; гнилая кожа в водоеме; испытание, за которое она столько боролась; ссора с Корне и, наконец, страшный пожар. От одних воспоминаний волосы поднимались дыбом, но она не уставала благодарить небо за то, что осталась жива.

Господи, если бы еще и Клотильду удалось спасти!

Она иногда заставляла эту девушку у амбаров возле мастерской или роющейся в кучах мусора. Насколько она знала, ее родители погибли еще в начале зимы, и с тех пор она бродила вокруг церкви, ни в ком не находя сочувствия. Тереза прикинула, что Клотильда должна быть ее возраста или немного моложе. Какое-то время назад девушка исчезла, и Тереза ничего не знала о ней до самого пожара.

Она помнила, что решила вернуться в мастерскую после того, как помогла жене Корне забраться на стену. Когда она вошла, пламя гуляло по крыше, а все помещение напоминало огромный огненный лес. Она уже собирала последние книги, когда увидела Клотильду. Скрючившись на полу, девушка махала руками, отбиваясь от льющегося с крыши раскаленного угольного дождя. У ее ног валялось несколько яблок. Несомненно, она воспользовалась суматохой и проникла в мастерскую в поисках какой-нибудь еды.

Тереза попыталась вытащить ее, но девушка сопротивлялась, причем лицо ее кривилось от боли – кожа была обожжена и покраснела. Оглянувшись, Тереза увидела под одним из столов голубое платье, в котором ей пришлось нырять в водоем. Оно до сих пор было сырое, и Тереза протянула его девушке. Та, торопливо скинув свои лохмотья, переделалась. От влажной ткани ей стало легче, но в этот момент крыша треснула, сверху посыпались балки. Тереза стала тянуть девушку к выходу, но та, перепугавшись, бросилась в противоположную сторону. Крыша над ней рухнула, и Клотильда оказалась погребенной под горящими обломками.

Потом Тереза неслась вниз по склону, то и дело спотыкаясь и чувствуя затылком дыхание дьявола. Увидев тропинку, идущую вдоль стены, она свернула на нее, перелезла через стену и оказалась сначала в зарослях кустарника, а затем в каштановой роще, где обычно паслись свиньи. Там оказалась хижина свинопасов, где Тереза и спряталась. Она плотно закрыла за собой дверь, словно хотела преградить путь несчастьям, и без сил сползла по стене на пол, спиной ощущая колкость ветвей и холод скрепляющей их глины.

Сгоревшие книги, разрушенная мастерская, несчастная погибшая девушка... Больше она никогда не осмелится посмотреть Горгиасу в глаза. Она опозорила его самым жестоким образом, каким только дочь может опозорить отца, но еще хуже то, что она его разочаровала. Она плакала, пока слезы не разъели щеки, бормотала слова прощения, умоляла Господа, чтобы он совершил чудо и вернул все назад. Она одна виновата: если бы не ее безумное желание стать тем, кем она не должна быть, ничего бы не случилось. Правы те, кто говорит, что место женщины – дома, у очага, рядом с мужем, а ее предназначение – рожать детей и укреплять семью. Вот Бог и наказал ее за дерзость.

Она проснулась, дрожа от холода. Тело затекло, в висках стучало, ноги не держали, будто она шла всю ночь напролет, грудь заложило, а в горло словно впивались шипы. Когда она немного пришла в себя и открыла скрипучую дверцу, оказалось, что уже рассвело. Место выглядело пустынным, и тем не менее Тереза внимательно огляделась.

С шумом взлетела стая скворцов. Зелень деревьев и чистота неба поразили Терезу. На мгновение каштановая роща показалась ей прекрасным ухоженным садом, она наслаждалась запахом сырой земли и ласковым прикосновением ветерка.

В желудке заурчало, и она вспомнила, что со вчерашнего дня у нее маковой росинки во рту не было. Отвязав от пояса кожаный мешок, она выложила на пол вощеную табличку и бронзовую палочку, которую использовала для письма. Еще в мешке нашлось яблоко, завернутое в льняной платок. С наслаждением жуя его, она продолжала вытаскивать свои богатства: маленькое прочное огниво, резное костяное распятие, пузырек с душистым маслом для пергаментов и моток пеньковых ниток, которыми она сшивала листы.

Решение далось ей с трудом, но она все-таки приняла его: убежать как можно дальше от Вюрцбурга, где никто никогда ее не найдет. Может быть, на юг, в Аквитанию, а может, на запад, в Неустрию¹⁶; говорят, там есть аббатства, которыми управляют женщины. Если повезет, можно добраться и до Византии. Отец всегда говорил, что когда-нибудь она снова встретится со своими бабушкой и дедушкой Теолопулос. Конечно, она едва их помнит, но уж в Константинополе непременно их отыщет. Она будет много трудиться и обязательно добьется успеха. Будет изучать грамматику и поэзию, как хотел Горгиас, и тогда, возможно, осмелится вернуться в Вюрцбург, чтобы встретиться с отцом и попросить у него прощения за свои грехи.

А пока она сложила немудреные пожитки в мешок и обернулась, чтобы в последний раз взглянуть на город. В двадцать три года ей предстояло начать новую жизнь.

Попросив у Бога благословения и поддержки, она по узкой тропе углубилась в чащу.

Через два-три часа она совершенно обессилела. Примерно пять миль она прошла по тропе, соединяющей Вюрцбург с Аквисгранумом, но с первыми горными отрогами тропа исчезла под снежными заносами. Насколько хватало глаз, всё – от булыжника до высокого холма – было покрыто белой пеленой, лишавшей ее ориентиров, потому что деревья и утесы были похожи друг на друга.

Решив немного передохнуть, Тереза села на поваленный ствол и с беспокойством посмотрела на небо. Погода в последнее время была неустойчивой, и теперь, похоже, собиралась буря. Она надеялась найти по дороге орехи и ягоды, но кусты от холода засохли, и ей пришлось довольствоваться огрызком яблока, который она предусмотрительно положила в мешок. Вдруг горизонт пронзила молния, деревья закачались, небо потускнело и приобрело пепельный цвет. Скоро полил дождь. Тереза попыталась укрыться среди скал, но все равно вымокла насквозь.

Прижимаясь к скалистому выступу, она поняла, насколько эфемерны были ее намерения. Мечты мечтами, но она никогда не доберется ни до Аквитании, ни до Неустрии, ни тем более до далекой Византии. У нее нет ни еды, ни денег, ни родственников, к которым можно обратиться за помощью. Она не умеет обращаться ни с мотыгой, ни с плугом, ни разу не собирала виноград и не может приготовить даже простую похлебку. Единственное, чем она занималась, это изготовление никому не нужных пергаментов, а ими на жизнь не заработаешь. Ну почему она упрячилась и не слушала свою мачеху! Нужно было учиться тому, что написано на роду всем женщинам. Умей она прясть, шить или стирать, непременно нашла бы себе поденную работу в Аквисгрануме и скопила денег, чтобы с каким-нибудь караваном добраться до Неустрии.

Но она все равно попробует, наймется в батрачки или поищет место ученицы кожевника. Что угодно, только не публичный дом с его нехорошими болезнями.

¹⁶ Аквитания – герцогство в средневековой Франции; Неустрия – область в средневековой Франции.

Дождь усиливался, и Тереза решила перебраться в какое-нибудь более надежное укрытие. Кроме того, в Вюрцбурге, возможно, ее уже хватились, а у дороги ее ничего не стоит найти. Тут она вспомнила о небольшой каменоломне в получасе ходьбы отсюда – там стояла старая печь для обжига извести и не менее старый дом. Она знала это место, так как несколько раз приходила туда за известью, необходимой для выделывания кож. Дом принадлежал вдове Ларссон, грубой и суровой женщине, которая управлялась на каменоломне вместе с сыновьями. Зимой, когда строительство прекращалось, они перебирались в Вюрцбург, значит, там можно укрыться и переждать непогоду.

Около полудня Тереза подошла к каменоломне. Ей хотелось побыстрее спрятаться от дождя, и тем не менее она замедлила шаг, напрягая слух и внимательно всматриваясь вдаль.

Каменоломня, располагавшаяся на склоне горы, напоминала громадный щербатый рот. В нижней ее части стояла печь для извести – сплюснутая, похожая на веретено башня, размером чуть больше тех, в которых пекут хлеб. Вверху у нее была круглая дыра, служившая трубой, а с боков – еще четыре для вентиляции. Дом стоял на берегу реки, подальше от известковых паров, образующихся при сжигании, а за ним теснились амбары, которые использовали как склады.

Тереза не двинулась с места, пока не убедилась, что поблизости нет ни вдовы Ларссон, ни ее сыновей, однако дверь в дом оказалась приоткрыта, и она засомневалась, стоило ли сюда приходить. На ее слабый стук никто не откликнулся, и девушка все-таки решила войти – будь что будет. Подняв с земли палку, она толкнула дверь плечом, но та не поддавалась. Лишь с третьей попытки дверь с шумом распахнулась, и ее взгляду предстала пустая комната. Тереза вошла, закрыла глаза и так постояла несколько минут, наслаждаясь покоем. От едкого запаха извести саднило горло, однако сейчас это ей даже нравилось. Дождь молотил по крыше, ветер хлопал оторвавшимися досками, но теперь непогода была уже не так страшна.

Как во всех постройках в этих местах, в доме не было окон и свет сочился сквозь проем для дыма, оставленный в сложенной из ветвей крыше. Когда глаза привыкли к полутьме, она заметила, что все в комнате перевернуто вверх дном, табуреты опрокинуты, посуда разбросана по полу. Она не придавала этому значения, решив, что сюда забрался какой-нибудь зверь. Ни еды, ни одежды в доме не оказалось, и она, чтобы отвлечься, стала собирать валявшиеся повсюду вещи. В одном углу обнаружилась целая гора деревянных чурбаков, из которых вдова Ларссон делала башмаки.

Многие семьи находили себе в мертвый сезон дополнительные занятия, и Ларссон с сыновьями от них не отставали. Тереза обратила внимание на необычный инструмент, лежавший на одной из рабочих скамей. Это был огромный нож с металлическим кольцом на острие, скрепленным, в свою очередь, с другим кольцом, еще более мощным, привинченным к скамье. Таким образом, нож мог вращаться вокруг острия и почему-то напомнил Терезе подвесной мост.

Она однажды видела, как вдова Ларссон ловко с ним управлялась: сначала закрепила рукоятку на специальной подставке, а затем, точными движениями поднимая и опуская нож, обтесала чурбачок так, чтобы он приобрел форму башмака.

Из любопытства Тереза тоже решила рискнуть. Она нашла подходящий кусок дерева и положила рядом с инструментом. Потом двумя руками начала поднимать рукоятку, намереваясь закрепить ее, но та соскользнула, и нож со всего маху упал на скамью. Слава Богу, она действовала обеими руками, иначе одну наверняка потеряла бы. Вторая попытка удалась, и она все-таки попробовала свои силы в изготовлении башмаков.

После этого Тереза принялась поднимать и расставлять табуреты, но мысли ее были уже в Аквисгрануме. Первым делом она пойдет на рынок и обменяет огниво и палочку для письма на какую-нибудь еду, например на фунт хлеба и несколько яиц, а если поторгуется, то и на кусок копченого мяса. Затем отправится в квартал ремесленников и поищет там работу в кожевенной

мастерской. Она никогда не была в Аквисгрануме, но предполагала, что в городе, который Карл Великий выбрал в качестве своей резиденции, такой квартал обязательно должен быть.

Вдруг сердце у Терезы упало.

Сомнений быть не могло – снаружи раздавались голоса, и они приближались.

В испуге она бросилась к дверям. Неужели это семейство Ларссон? Сквозь щель она смутно разглядела две фигуры, направлявшиеся к дому. О Боже! Похоже, это мужчины, к тому же вооруженные, и через пару секунд они будут тут. Нужно срочно прятаться. Она вспомнила о груди чурбаков и укрылась за ними как раз в тот момент, когда незнакомцы вошли в комнату. Спрятав голову в коленях, она молилась, чтобы ее не обнаружили. Однако у пришельцев были другие заботы – они сразу направились к очагу и попытались развести огонь.

Из своего укрытия Тереза видела, как они сняли оружие и насадили на меч пару белок, намереваясь их зажарить. При этом они хохотали, размахивали руками и толкали друг друга, будто пьяные. Один, высокий и тучный, настоящая гора жира, покрытая шкурами, был занят, похоже, только тем, чтобы устоять на ногах и со всего маху не брякнуться об пол. Второй, худой и беспокойный, то и дело почесывал веснушчатое лицо и поводил носом, словно зверь, вынюхивающий добычу. Тереза подумала, что если бы крысы ходили на двух лапах, они были бы очень на него похожи.

В какой-то момент толстый сказал что-то веснушчатому, и тот схватился за нож, но вовремя остановился, и оба снова расхохотались. Когда они успокоились, Тереза вдруг осознала, что они говорят на чужом языке, а значит, спасти ее может только чудо, так как это не воины, зашедшие сюда из Вюрцбурга, а саксы – язычники, готовые убить любого, кто окажется у них на пути.

В смятении Тереза неловко повернулась, и один из чурбаков с грохотом упал на пол. Девушка затаила дыхание, но толстый лишь равнодушно обернулся на шум и продолжал жарить добычу, а вот веснушчатый заинтересовался, взял горящую ветку, вынул нож и медленно направился в ее сторону. Тереза закрыла глаза и скрючилась так, что кости заломило, но незнакомец уже схватил ее за волосы и даже слегка приподнял над полом. Она кричала и брыкалась, пытаясь вырваться, пока сильный удар не заставил ее замолчать. Ощувив вкус крови, она поняла, что кроме своих убийц ей больше ничего не суждено увидеть.

Веснушчатый поднес к Терезе факел и принялся изучать ее, как охотник, который обнаружил лису в поставленном на кроликов капкане. Хотя лицо девушки и пострадало от удара, общая картина, по-видимому, его удовлетворила, и он плотоядно улыбнулся. Затем взгляд его скользнул ниже, к полной, упругой груди и широким бедрам. Наконец он спрятал нож, схватил ее за руку, вытащил на середину комнаты, спустил штаны, и перепуганная Тереза увидела его пульсирующий волосатый член. Девушку словно парализовало – она и представить не могла, что под штанами прячется такая жуткая штука. От ужаса она даже обмочилась и готова была умереть со стыда, однако пришельцев ее несчастье еще пуще развеселило. Пока толстый держал ее, веснушчатый срывал с нее одежду.

Увидев в красноватых отблесках углей ее живот, веснушчатый не смог сдержать очередной хищной улыбки. Бледная кожа контрастировала с темным треугольником, и яростное желание пронзило его. Тогда он поплевал на член, потер его и нацелил на Терезу. Девушка закричала и, проклиная своих мучителей на чем свет стоит, непонятно как вырвалась, бросилась к своему прежнему укрытию и начала лихорадочно искать в мешке бронзовую палочку. Если та отыщется, у нее появится возможность спастись, однако палочка никак не находилась.

Слава Богу, в тот момент, когда веснушчатый собирался наброситься на нее, пальцы нащупали нужный предмет, и Тереза выставила миниатюрное оружие навстречу своему врагу, который замер в нескольких сантиметрах от металлического острия. Толстый в недоумении наблюдал за происходящим, словно собака, ожидающая знака хозяина, однако веснушчатый, не произнеся ни слова, зашелся смехом. Затем схватил кувшин и с жадностью начал пить, рас-

плескивая жидкость, и тут же, без передышки, хлестнул Терезу по лицу – палочка взлетела в воздух.

В мгновение ока девушка оказалась распростертой на скамье, и ненавистный сакс уже тыкался ей в лицо слюнявым ртом. Запах алкоголя не давал дышать. Возбужденный вином, он искал в складках одежды собственный член, одновременно прижимая руки жертвы к скамье у нее над головой. Тереза попыталась сжать ноги, однако мучитель с силой раздвинул их. И вдруг она заметила, что его правая рука находится как раз под гигантским ножом. Ей нужно было высвободиться всего на несколько секунд, и тогда она приподняла голову и поцеловала сакса в губы. Мужчина опешил, чем она моментально и воспользовалась: толкнула подставку, на которой был закреплен нож, и страшное орудие упало на руку сакса с такой силой, что пальцы отлетели и кровь хлынула рекой.

Пока он барахтался на полу, как раненая свинья, Тереза бросилась к двери и убежала бы, если бы толстый не заступил ей дорогу. Девушка попыталась увернуться, однако он с неожиданной ловкостью схватил ее за волосы и занес нож. Она замерла в ожидании смертельного удара, но в этот момент сакс как-то странно хрюкнул, глаза у него закатились, он зашатался и упал сначала на колени, а потом лицом вниз. Тут Тереза увидела торчащий у него из спины огромный кинжал, а за упавшим телом – юного Хооса Ларссона, протягивающего ей руку.

Хоос вывел ее на улицу и вернулся в дом, откуда некоторое время раздавались душераздирающие крики, после чего он вышел с окровавленными руками. Подойдя к Терезе, он накинул на нее свой шерстяной плащ.

– Все кончилось, – сиплым голосом сказал он.

Тереза взглянула на него полными слез глазами и вдруг поняла, что едва одета. Щеки ее зарделись, и она постаралась как можно плотнее запахнуться в плащ. Молодой человек, смущаясь, помог ей.

Хоос Ларссон показался ей симпатичным. Может быть, излишне суров, однако заботливый и с хорошими манерами. Она давно его не видела и даже не вспоминала о нем, а теперь он оказался ее спасителем. Правда, он наверняка ответит ее в Вюрцбург, где она предстанет перед судом. Но это не важно, лишь бы отец ее простил.

– Пойдем в дом, тут мы замерзнем, – предложил он.

Тереза отрицательно покачала головой.

– Тебе нечего бояться, они мертвы.

Она снова покачала головой. Туда она не войдет, даже если будет умирать от холода.

– О Боже! – в сердцах воскликнул Хоос. – Тогда пойдем под навес. Огня там нет, но хотя бы от дождя укроемся.

Не дожидаясь ответа, юноша подхватил Терезу на руки и отнес под крышу. Там он ногами сгреб немного соломы и осторожно посадил на нее девушку.

– Мне нужно заняться трупами, – сказал он.

– Пожалуйста, не уходи.

– Я не могу их там оставить, кровь может привлечь волков.

– А что ты собираешься с ними делать?

– Похороню, наверное.

– Похоронишь этих убийц? Их следует бросить в реку, – сказала она, нахмурившись.

Хоос рассмеялся, однако, почувствовав недовольство Терезы, подавил смех.

– Извини, но это вряд ли получится. Там такой лед, что его только киркой пробить можно.

Тереза, пристыженная, промолчала. В пергаментях она, конечно, разбирается, а вот обо всем остальном почти ничего не знает.

– Но даже если бы река была не замерзшая, – добавил он, – все равно не стоило бы этого делать. Они наверняка входили в какой-то передовой отряд, и рано или поздно вода вынесла бы их к своим.

– Разве тут есть еще саксы? – со страхом спросила Тереза.

– Тут, возможно, и нет, но где-то поблизости – наверняка. Перевалы прямо-таки кишат ими. Я три дня потерял, огибая горы.

Огибая горы... Значит, Хоос пришел из Аквисгранума и не знает, что случилось в Вюрцбурге. Тереза почувствовала облегчение.

– Зато ты появился более чем кстати, – сказала она, наблюдая, как Хоос трет руки снегом, чтобы смыть кровь.

– Я со вчерашнего дня брожу по окрестностям, – объяснил он. – Уже собрался было переночевать в печи, но, когда подошел, заметил в доме свет и понял, что это те два сакса. Мне не хотелось с ними встречаться, и я решил подождать под навесом, пока они уйдут. Утром они исчезли, но я все-таки пошел в лес проверить, а когда вернулся, оказалось, они тебя схватили.

– Возможно, они ходили на охоту, у них было несколько белок.

– Возможно. Но ты-то что тут делаешь?

Тереза покраснела. Она не ожидала такого вопроса.

– Меня буря застала неподалеку, – хрипло сказала она и откашлялась. – Я вспомнила про этот дом и пришла, а потом они появились неизвестно откуда.

Хооса такой ответ не удовлетворил, он по-прежнему не понимал, зачем девушка забрела в эту глушь.

– А теперь что мы будем делать? – спросила она, пытаясь отвлечь его внимание.

– Я пойду копать, а тебе нужно заняться лицом, оно все в крови, – заметил он.

Юноша направился к дому, и Тереза долго смотрела ему вслед. Да, они давно не встречались, он стал более мужественным, но не потерял привлекательности, и волосы по-прежнему выются. Хоос единственный из сыновей вдовы Ларссон не был каменотесом. Тереза знала об этом, так как его мать кичилась тем, что он является рыцарем Карла Великого. Об этой должности Терезе было известно только то, что у нее очень странное название. Она прикинула, что Хоосу примерно двадцать семь лет. В этом возрасте у мужчины обычно бывает уже парочка детей, но вдова Ларссон никогда не упоминала о внуках.

Через какое-то время Хоос вернулся под навес и с усталым видом отбросил палку, которой копал землю.

– Эти люди больше не причинят нам вреда, – сказал он.

– Ты весь промок.

– Да, льет как из ведра.

Тереза промолчала.

– Хочешь есть? – спросил Хоос.

Она кивнула. Будь ее воля, она бы съела целую корову.

– Когда я пробирался над оврагом, то потерял лошадь вместе с поклажей, но на худой конец внутри есть парочка белок, так что решай: или мы идем в дом, едим и греемся, или остаемся здесь и гибнем от холода.

Тереза недовольно поджала губы. Ей до смерти не хотелось туда возвращаться, но и под навесом больше оставаться нельзя, тут Хоос прав. Она нехотя встала и последовала за ним, однако у самого порога ее пробрала дрожь. Хоос украдкой взглянул на нее – не стоит в открытую проявлять свою жалость, ногой распахнул дверь, подождал, пока она не убедилась, что комната пуста, потом обнял за плечи, и они наконец вошли.

Тепло придало им сил не хуже горячей похлебки. Хоос подбросил еще дров, и рассыпавшиеся искры немного разогнали темноту. Запах жареных каштанов и мяса щекотал ноздри,

возбуждая и без того волчий аппетит. Тереза оглядела прибранное помещение и расстеленное у огня одеяло и впервые после пожара почувствовала себя в безопасности.

Она еще не успела насладиться теплом, когда Хоос принес готовое кушанье.

– Эти люди знали, где разжиться едой, – сказал он. – Ну-ка, подожди минутку. – Он поднялся и скоро вернулся с какими-то вещами в руках. – Я снял это с саксов, прежде чем закопать. Посмотри, может, тебе что-нибудь пригодится.

Однако Тереза, пока не проглотила последний кусок, даже не взглянула на одежду, но потом все-таки выбрала довольно потрепанный жакет из темного сукна и прикрыла им ноги. Хоос посетовал, что она не взяла еще один, шерстяной, так как на нем оказались пятна крови, зато оставила себе нож, которым толстяк пытался убить ее.

После еды они молча слушали стук дождя по крыше, затем Хоос встал и сквозь щель выглянул наружу. Ночь еще не наступила, однако небосвод уже потемнел.

– При таком ливне саксы ни за что не вылезут из своих берлог.

– Конечно, – согласно кивнула девушка.

– А ты случайно не дочка переписчика? Тебя зовут...

– Тереза.

– Точно, Тереза... Ты иногда приходила сюда за известью для обработки кож. Помню, когда мы виделись в последний раз, у тебя на лице было столько прыщей, что оно походило на пирог с ягодами. Ты сильно изменилась. По-прежнему работаешь ученицей в пергаментной мастерской?

Тереза помрачнела, недовольная сравнением своего лица с пирогом.

– Да, но только я уже не ученица, я прошла испытание и стала подмастерьем, – зачем-то соврала она.

– Женщина-подмастерье? Пресвятой Боже! Разве такое бывает?

Тереза привыкла разговаривать с парнями, у которых ума хватало только на то, чтобы кидаться камнями в собак, поэтому она промолчала и свернулась калачиком под жакетом, откуда тайком посматривала на Хооса. Он был примерно на голову выше всех знакомых молодых людей, выглядел сильным и крепким, наверное, от прежней работы на каменоломне. А еще он показался ей похожим на тех огромных лохматых собак, которые с ног до головы вылизывают малышей и терпеливо сносят их шалости, но в мгновение ока разорвут на куски любого, кто осмелится поднять на них руку.

– А ты чем занимаешься? – наконец нарушила молчание Тереза. – Твоя мать не упускает случая похвастаться тем, что ты служишь при дворе.

– Ну, – усмехнулся он, – ты же знаешь, то, что матери рассказывают о своих детях, в лучшем случае лишь наполовину правда, а другой половиной следует восхититься и тут же о ней забыть.

Тереза рассмеялась. Действительно, отец так ее превозносил, что она иногда краснела от стыда.

– Три года назад, – продолжил Хоос, – я, благодарение судьбе, отличился в одной из военных кампаний Карла Великого. До него дошел слух об этом, и по моем возвращении он предложил присягнуть ему на верность.

– А что это значит?

– Если коротко, это значит стать вассалом короля, преданным воином, которого в любой момент можно призвать под свои знамена.

– Воином? Как те, что служат у наместника Вюрцбурга?

– Не совсем так, – улыбнулся Хоос. – Эти несчастные продают себя со всеми потрохами за жалкие гроши, а у меня есть собственные земли.

– Я думала, у воинов не бывает собственных земель, – удивилась Тереза.

– Попробую тебе объяснить... Становясь вассалом короля, человек обязуется верно ему служить, а король, в свою очередь, – щедро оплачивать его службу. Я, например, получил от него двадцать актов¹⁷ пахотной земли, сорок – необработанной, которые скоро тоже будут вспаханы, и пятнадцать актов виноградников. Так что я мало чем отличаюсь от обычного землевладельца.

– Но тебе ведь приходится воевать...

– Конечно, однако военные кампании обычно начинаются в конце лета, когда урожай уже убран. Тогда я готовлю снаряжение, набираю тех, кто отправится вместе со мной, и по первому зову являюсь к королю.

– У тебя и рабы есть?

– Рабов нет, есть колонны, это вольные люди. У меня их двадцать девять, включая детей. Один я не в состоянии обрабатывать столько земли, но, слава Богу, в Аквисгрануме хватает неимущих со всех концов королевства – из Аквитании, Неустрии, Аустрасии, Лангобардии... Они приходят сюда в надежде разбогатеть, а оказываются без куска хлеба. Выбор большой, нужно только не ошибиться и сдать землю в аренду достойным людям.

– Выходит, ты богат?

– Нет, хотя был бы не прочь. – Он снова улыбнулся. – Колонны – люди бедные. За пользование землей они отдают мне часть урожая и каждую неделю выполняют какие-нибудь работы: расчищают дороги, чинят изгороди, иногда помогают с пахотой, но богатства на этом не наживешь. Любой антрустион¹⁸ гораздо богаче меня.

– Скажи, а Аквисгранум красивый?

– Конечно, насколько может быть красив рынок, если ты при деньгах. На любой улице народу больше, чем во всем Вюрцбурге, ничего не стоит потеряться. Лавки, некоторые размером не больше ковра, жмутся друг к другу, и чего в них только нет: мясо, инструменты, пряжки, еда, в одной и той же могут предложить все – от горшка меда до окровавленного меча.

Кривые улочки, словно сотканые дрожащими руками и по сто раз пересекающие одна другую, загромождены лачугами, тавернами, публичными домами. Тут и там среди этого лабиринта разбросаны маленькие площади, состоящие, кажется, из одних углов, где воришки, калеки, пьяницы, бродяги и собаки сражаются за место под солнцем. В конце концов все улочки, как ручейки, сливаются в одну широкую, по которой вполне может пройти конница, а она, в свою очередь, упирается в большую базилику. Рядом с ней возвышается величественное здание из черного кирпича – дворец Карла Великого.

Тереза слушала как зачарованная, на мгновение ей даже показалось, что она видит далекий родной Константинополь.

– А есть там форум, цирк, устраиваются игры, состязания?

– О чем ты?

– Вспомнила Византию. Там мраморные здания, мощенные камнем улицы, сады, фонтаны, театры, библиотеки...

Хоос удивленно поднял брови. Он подумал, что Тереза шутит, что такое бывает только в сказках.

– Вовсе нет, – упрямо сказала она и отвернулась.

Ей все равно, есть в Аквисгрануме сады с фонтанами или нет, но обидно, что он ей не верит.

– Если бы ты только попал в Константинополь... – мечтательно произнесла она. – Я хорошо помню Софийский собор, такой огромный, что в него может поместиться целая гора. Помню ипподром Константина, длиной целых два стадия, где каждый месяц устраивают игры

¹⁷ Квадратный акт – римская мера площади, равная 1470,72 м².

¹⁸ Антрустион – вассал из свиты короля, королевский дружинник.

и состязания возниц. А по стенам каменной крепости Теодосия, которые способны выдержать натиск любой армии, мы даже гуляли, потому что они очень широкие. Еще там есть освещенные фонтаны, в которых вода бьет прямо из-под земли. Помню пышные императорские парады, когда воины движутся нескончаемым потоком, а впереди выступают нарядно украшенные слоны. Да, если бы ты попал в Константинополь, ты бы понял, что такое рай.

Несколько мгновений Хоос не мог вымолвить ни слова. Понятно, что все это выдумки, но надо же такое вообразить! Фантазии Терезы потрясли его.

– Конечно, в рай попасть было бы неплохо, – наконец сказал он, улыбаясь, – но я пока умирать не собираюсь. А кто такие возницы?

– Они управляют повозками, куда впряжено несколько лошадей. Не такими, которые обычно тянут волю, а маленькими, легкими и быстрыми, как ветер.

– Ну и ну! А слоны?

– О, слоны... Их нужно видеть, – рассмеялась она. – Это животные величиной с дом, с такой толстой и твердой кожей, что ее даже копьем не проткнешь. А вот они своими гигантскими торчащими изо рта бивнями запросто могут проткнуть кого угодно. Ноги у них огромные, как стволы деревьев, а нос похож на длинную толстую змею. – И Тереза снова рассмеялась, глядя на ошарашенного Хооса. – Но, несмотря на устрашающий вид, они слушаются своих наездников, которых на параде обычно бывает шестеро, и ведут себя не хуже дрессированных лошадей.

Хоос пытался сохранить серьезный недоверчивый вид, но не выдержал и тоже рассмеялся.

– Ну все, на сегодня хватит, давай немного отдохнем. Завтра нужно добраться до Вюрцбурга, – сказал он.

– А ты зачем сюда пришел? – спросила Тереза, словно не слыша его.

– Спи лучше.

– Но я не хочу возвращаться в Вюрцбург.

– Да? И чего же ты хочешь? Дождаться здесь новых саксов?

– Конечно, нет. – Лицо ее затуманилось.

– Тогда перестань говорить глупости и ложись спать, а то утром тебя не добудешь...

– Ты мне так и не ответил, – настаивала Тереза.

Хоос, который уже улегся у огня, нехотя приподнялся:

– Скоро из Франкфурта в Вюрцбург отправятся два судна с провизией. На них придут две важные персоны: некий Алкуин, священник бриттов, и Павел Диакон, начальник папской канцелярии. Король хочет оказать им достойный прием и потому послал меня сюда.

– Разве священник – такая уж важная персона?

– Этот священник – да, по крайней мере для Карла Великого. Алкуин – необычный человек. Он прибыл ко двору несколько лет назад и с тех пор все время идет в гору. Он помешан на образовании и письменности, и Карл Великий потакает всем его капризам.

Тереза представила двух священнослужителей в темных одеяниях на борту величественного судна, скользящего по реке, и пожалела, что не сможет присутствовать при их прибытии, так как письменность ее тоже очень интересовала.

– А бури им не мешают?

– Это не твоего ума дело, да и не моего тоже, – несколько смущенно сказал Хоос, – поэтому ложись и спи.

Тереза замолчала, однако сразу уснуть не смогла. Конечно, Хоос отличается от других парней, но то, что спас ее именно он, – простая случайность. К тому же ей казалось странным, как это человек в его положении путешествует по горам один и без оружия. Неосознанно она сжала рукоятку спрятанного под одеждой ножа и только тогда закрыла глаза. Через несколько минут, мечтая о недоступном пока Константинополе, она уснула.

Проснулась Тереза раньше Хооса. Тот спал очень крепко, поэтому она тихо встала, подошла к двери, выглянула в щелку и, ощутив свежесть утра, рискнула ступить на укрывший землю белоснежный ковер. Дождь кончился, и повсюду царил мир.

Когда она вернулась, Хоос еще спал. Повинуясь безотчетному импульсу, она прислонилась к его плечу, и покой спящего передался ей. Вдруг она поймала себя на том, что представляет себя вместе с ним в каком-то далеком городе, солнечном и жарком, где никто не укоряет ее за пристрастие к чтению и письму, где можно вволю наговориться с понравившимся тебе юношей и где никто не слышал о несчастьях, внезапно изменивших ее жизнь. Но тут она вспомнила об отце и устыдилась своей трусости и эгоизма. Разве может дочь строить воздушные замки, если ее грехи навлекли на отца бесчестье? Ответ был ясен, и она поклялась когда-нибудь вернуться в Вюрцбург, покаяться в содеянном и вернуть отцу уважение, которого была не вправе его лишать. Затем она взглянула на Хооса и подумала разбудить его и попросить довести ее до Аквисгранума, но вовремя сдержалась, понимая, что никакие мольбы тут не помогут.

Дрожащими пальцами она коснулась его волос и, чувствуя себя виноватой и перед ним, прошептала «прощай», затем осторожно поднялась и огляделась. Рядом с окном лежали вещи, снятые с трупов, – одежда и принадлежности для охоты, и она решила вслед за Хоосом тоже осмотреть их.

В складках плаща она обнаружила деревянную коробочку с огнивом, трупом и осколком кремня, несколько янтарных бусинок от четок, нанизанных на нитку, и сухую рыбу икру. Все это она спрятала в свой мешок. Полусгнивший ремень Тереза отбросила, а вот маленький мех для воды взяла, равно как и огромные сапоги, которые с трудом, но все-таки натянула поверх башмаков. Затем она направилась туда, где лежало оружие.

Тереза вспомнила, что Хоос почистил его, а раскладывая, объяснил, что саксы очень ловко обращаются со скрамасаксом – широким кинжалом, которым они иногда пользуются как коротким мечом, и, наоборот, не умеют управляться с франсиской – легким топором, который так любят франкские воины.

Пройдя мимо лука, она остановилась перед смертоносным скрамасаксом, и стоило взять его в руку, как по телу пробежала дрожь. Терезу оружие пугало, но, если она хотела куда-то добраться, что-то нужно было иметь. В конце концов она остановилась на плоском легком ноже и уже взяла его, но тут взгляд ее упал на кинжал, который Хоос положил отдельно.

В отличие от грубых саксонских кинжалов у этого по обе стороны лезвия был нанесен узор, заканчивавшийся у серебряной рукоятки с изумрудом. В отблесках огня металл холодно поблескивал, и Тереза подумала, что эта вещь бесценна.

Она взглянула на сладко спящего Хооса, и сердце ее сжалось от стыда. Он спас ей жизнь, а она ведет себя как воровка. Несколько мгновений девушка колебалась, но все-таки оставила саксонский кинжал и взяла другой, с узором. Затем она подхватила мешок, еле слышно попросила прощения, накинула на себя позаимствованную у саксов шкуру и шагнула в жестокий рассветный холод.

Когда Хоос проснулся, Тереза была уже далеко. Он искал ее в каменоломне, на окраине леса, даже поднялся вверх по реке, но наконец сдался. Он был очень опечален тем, что ее ждет, но еще больше – тем, что она украла его драгоценный кинжал.

6

Горгиас проснулся от страха, дрожащий, весь в поту; он не мог примириться с тем, что несколько дней назад похоронил дочь. Он обнял лежащую рядом Рутгарду, а потом ему представилась Тереза – улыбающаяся, в новом платье, счастливая после пройденного испытания, осуществившая свою мечту и ставшая подмастерьем. Но тут же он вспомнил о нападении, о том, как дочь спасла ему жизнь, об ужасном пожаре, бесплодных поисках, раненых и погибших... Он вновь пережил то мгновение, когда нашел тело Терезы, и разрыдался. От дочери остались лишь обрывки ее любимого платья.

Съезжившись под какой-то тряпицей, он еще долго всхлипывал и спрашивал себя, сколько же им придется тесниться у родственников и спать на голых досках, которые Рейнхольд каждый вечер клал на земляной пол, не имея даже охапки соломы, чтобы сунуть под голову.

Конечно, Рейнхольд и Лотария были удивительной парой. Хотя привычное течение их жизни было нарушено, они очень ласково относились к Горгиасу и Рутгарде, старались, чтобы гости не очень скучали по своему удобному старому дому. Горгиас радовался за свояка, который был плотником: его работа не зависела от капризов погоды, и даже в самые трудные времена кому-то нужно было починить прогнившую крышу или сломанное колесо, что не давало умереть с голода.

В какой-то момент Горгиас даже ощутил зависть – не к заработкам Рейнхольда, а к простоте его натуры. Единственным желанием свояка было накормить ребятишек и уснуть рядом с женой, а он сам растрчивал жизнь на никому не нужные пергаменты, вместо того чтобы наслаждаться присутствием дочери. Рейнхольд любил повторять, что счастье – не в размерах дома, а в том, кто тебя в нем ждет, и, судя по его семье, он был прав.

Рутгарда занималась племянниками, убирала, шила, готовила еду, когда было из чего готовить. Освободившись от домашних забот, Лотария целыми днями трудилась у Арно, одного из самых богатых людей в округе, куда нанялась прислугой. Горгиас же, когда в скриптории было не много работы и раненая рука позволяла, помогал свояку плотничать. Тем не менее он понимал, что нельзя злоупотреблять гостеприимством родственников, которые из-за них тоже могут пострадать, и что нужно искать другое место для жилья.

Течение его мыслей прервал громкий плач одного из малышей. За ним разревелись остальные, так что Лотарии и Рутгарде вместе пришлось их успокаивать, промывать глаза и переодевать во все чистое. Затем женщины разожгли огонь и подогрели остатки каши, которую в другое время прямиком отправили бы в свинарник. Горгиас тоже поднялся, полусонный, что-то пробурчал в качестве приветствия, порылся в сундуке, вытащил оттуда фартук, предназначенный для работы в скриптории, и надел его. Занимаясь этими нехитрыми делами, он ругнулся – других слов для раненой руки у него не нашлось.

– Ты бы попридержал язык, – упрекнула его Рутгарда, указывая на детей.

Горгиас опять что-то пробурчал и, позевывая, направился к огню, стараясь не наступить на разбросанные повсюду пожитки. Затем он умылся и пошел на запах каши.

– Опять кошмарный день, – посетовал Горгиас.

– Слава Богу, в скриптории не очень холодно.

– Я, наверное, сегодня туда не пойду.

– Вот как? А куда же ты пойдешь? – с удивлением спросила жена.

Горгиас ответил не сразу. Он собирался заняться кражей, совершенной при нападении на него, но не хотел говорить об этом Рутгарде.

– В скриптории не осталось чернил, похожу по лесу, может, найду немного орешков¹⁹.

¹⁹ Видимо, имеются в виду дубовые чернильные орешки, из сока которых изготавливали чернила.

- Так рано?
- Позже дети все съедят.
- Оденься потеплее, – сказала Рутгарда.

Хорошая все-таки ему досталась жена! Горгиас с нежностью посмотрел на нее, обнял и поцеловал в губы. Затем взял мешок с письменными принадлежностями и направился к постройкам возле собора.

Поднимаясь по спящим улочкам, Горгиас вновь и вновь задавался вопросом, кто же украл у него пергамент, и словно заново переживал нападение: притаившаяся в темном закутке тень, которая неожиданно набросилась на него, сверкнувшие над краем плаща холодные светло-голубые глаза, резкая боль в руке – и темнота.

«Светло-голубые глаза», – с горечью произнес он. Если бы за каждую пару таких глаз, встреченных на улицах Вюрцбурга, ему давали горсть зерна, он за неделю наполнил бы свой амбар.

Вдруг ему пригрезилось, что нападение было простой случайностью, отчаянной попыткой умирающего с голода добыть кусок хлеба. Тогда документ уже давно валяется где-нибудь на дороге, испорченный дождями или изгрызенный животными. Однако глупо об этом мечтать. Вор наверняка знал, что похищенная им вещь бесценна, но кто же так страстно стремился завладеть пергаментом?

Несколько священнослужителей и слуг имели доступ в скрипторий, но вряд ли они представляли себе важность документа, если только не слышали разговоров об этом Уилфреда. Горгиас решил составить список подозреваемых, который поможет ему выработать план по возвращению пергамента.

Он вошел в церковь через боковую дверь, ведущую во внутренний двор. Там он недолго помолился и поплакал о Терезе, перекрестил землю, в которой она лежала, и через хозяйственные помещения, ни с кем не поздоровавшись, быстро прошел в скрипторий.

В помещении было пусто, никто не мог ему помешать. Он закрыл дверь и ставни и зажег стоявшие на столах свечи. Когда царивший в комнате сумрак рассеялся, он вытащил из мешка принадлежности для письма и восковую табличку, с которой тупым концом палочки стер предыдущие записи. Затем поудобнее устроился на табурете и, размяв руки, принялся составлять список.

Он занимался этим довольно долго, кого-то вписывая, кого-то стирая, но ни одно имя полностью его не удовлетворяло. Рана снова дала о себе знать, однако он не обращал на это внимания, так как главным для него было вернуть пергамент. Закончив работу, он опять внимательно просмотрел все имена.

Первым в списке значился Генсерик, коадьютор²⁰ и секретарь Уилфреда, высохший старик, которого, если бы не постоянно исходивший от него запах мочи, можно было принять за одну из статуй в крытой церковной галерее. Иногда он исполнял обязанности викария, то есть вместе с Уилфредом участвовал в управлении графством и проверке денежных документов.

За ним шел Бернардино – испанский монах крошечного роста, который тем не менее твердой рукой вел все хозяйство, то есть мог бывать где угодно и знать о существовании пергамента.

Следующим стоял Касиано, молодой регент, тосканец по происхождению, чей сладкий голос почему-то всегда напоминал Горгиасу о падших женщинах. По должности ему разрешалось заходить в ту часть библиотеки, где хранились Псалтыри и антифоны²¹, чем он нередко и

²⁰ Помощник и заместитель епископа в римско-католической церкви.

²¹ Антифоны – вид церковных песнопений.

пользовался. Кроме того, он был одним из немногих, кто умел читать, что навлекало на него серьезные подозрения.

И наконец, последним был Теодор, добродушный гигант, правда, с более светлыми глазами, чем запомнились Горгиасу. Он был на все руки мастер и благодаря своей силе иногда сопровождал Уилфреда в его поездках по крепости.

Горгиас убрал из списка своего помощника Иеремию, предыдущего переписчика Эмиля, придворного лакея Бонифатия и наставника послушников Цирила. Трое последних умели читать, но Бонифатий был почти слепым, а двум другим Горгиас полностью доверял.

Все остальные, находившиеся на службе у Уилфреда, или вообще были неграмотными, или не имели доступа в скрипторий.

Поглаживая раненую руку, Горгиас перечитал написанное: Генсерик, старик-коадьютор; карлик Бернардино; Касиано, регент; здоровяк Теодор... Любой из них мог организовать нападение, включая, кстати, Корне, о котором он тоже не забывал.

Горгиас пытался разгадать загадку, когда раздались удары в дверь. Он спрятал табличку и поспешил открыть, однако щеколда не поддавалась. Удары не стихали, кто-то требовал впустить его, и Горгиасу пришлось поднатужиться, чтобы дверь со скрипом открылась. Это оказался Генсерик, который тут же словно облизал взглядом все помещение.

– Можно узнать, почему такая спешка? – с досадой спросил Горгиас.

– Простите за беспокойство, но Уилфред попросил навестить вас. Дверь оказалась заперта, и я подумал, вдруг что-то случилось.

– Ради всех святых, что может случиться? Просто в скриптории накопилось много работы, вот и все. Зачем Уилфред прислал вас?

– Граф хочет вас видеть немедленно. В своих покоях, – уточнил он.

«В своих покоях...» По телу пробежала дрожь.

Насколько ему было известно, только Генсерик имел доступ в покои Уилфреда. Слуги говорили, даже дороги туда никто не знает. Горгиас нахмурился. Он не представлял, зачем его зовут, но ничего хорошего это не предвещало.

Он намеренно неторопливо привел в порядок свои рабочие инструменты и собрал документы, которые, по его предположениям, могли понадобиться для встречи с Уилфредом. Когда он закончил, коадьютор, еле передвигая ноги, двинулся в путь. Горгиас, следуя за ним на почтительном расстоянии, ломал голову над причиной неожиданного свидания. Они прошли мимо трапезной, амбаров для хранения зерна, пересекли крытую галерею и направились к залу капитула, расположенному неподалеку от часовни послушников. В глубине часовни начинался проход, который соединял ее с залом капитула. Ведущая туда массивная дверь обычно была заперта. Тут Генсерик остановился.

– Прежде чем мы продолжим путь, вы должны поклясться, что никогда ни словом не обмолвитесь о том, что увидите, – сказал Генсерик.

Горгиас поцеловал висящий на шее крест:

– Клянусь перед ликом Христа.

Генсерик кивнул, затем достал из рукава кусок ткани и протянул ее Горгиасу.

– Я должен попросить вас надеть это, – отнюдь не просительным тоном приказал он.

Горгиас повиновался и надел на голову что-то вроде капюшона.

– Теперь возьмитесь за этот конец и внимательно слушайте мои указания, – добавил Генсерик.

Ничего не видя, Горгиас вытянул руки и ухватился за конец веревки, которую старик завязал у него на запястье. Проверив, хорошо ли сидит капюшон, и лязгнув чем-то железным, Генсерик объявил, что они отправляются в путь. Внезапно веревка натянулась, и Горгиас неверными шагами двинулся вперед, то и дело спотыкаясь. Так он и шел, следуя немногословным указаниям Генсерика и раненой рукой касаясь стен. В какой-то момент он почувствовал,

что стены стали влажно-скользкими, чего раньше он ни в одном здании не замечал, и подумал: где же они находятся, ведь пройдено уже немало? По пути они миновали по меньшей мере четыре двери и узкую лестницу, прошли мимо уборной, которую он опознал по характерному запаху, а теперь спускались по длинному откосу, перешедшему в скользкий и неровный подъем. Вскоре веревка ослабла, значит, они пришли. Затем он услышал скрежет открываемого засова и хриплый голос графа.

– Входите, Горгиас, прошу.

Генсерик ввел по-прежнему незрячего Горгиаса, дверь закрылась, и помещение погрузилось в напряженную тишину.

– Думаю, мой дорогой Горгиас, вы ломаете голову, зачем я позвал вас...

– Это так, ваше сиятельство, – задыхаясь под капюшоном, промолвил Горгиас.

– Ну что ж, я удовлетворю ваше любопытство, но прежде хочу напомнить: никогда, даже под страхом вечного проклятия, вы не расскажете о том, что здесь увидите или услышите, понятно?

– Я дал слово.

– Хорошо. Знаете, как это ни парадоксально, но иногда чем самоотверженнее служишь Богу, тем больше испытаний он тебе посылает. Сегодня вечером, – продолжил он, – когда я лег спать, мне вдруг стало нехорошо. Такое со мной не впервые, но на этот раз боль была столь сильной, что пришлось прибегнуть к услугам врача. Ценон считает, болезнь от ног распространяется по всему телу, и никакого лекарства, по-видимому, нет, или он его не знает. Единственное средство – соблюдать полный покой, пока боль не отступит. Ради Бога, снимите же капюшон, вы похожи на осужденного!..

Горгиас повиновался.

Его взору открылось помещение, в давние времена служившее, наверное, оружейным залом. Теперь здесь были лишь голые каменные стены с единственным алебастровым окном, сквозь которое сочился слабый сумеречный свет. На самой мощной стене, являвшейся, по сути, слегка обтесанной скалой, виднелся след от распятия, некогда осенявшего огромную кровать под каменным сводом. На кровати, среди груды огромных подушек, лежал Уилфред. Он хрипло дышал, словно придавленный невыносимой тяжестью, которая превратила его лицо в распухшую неподвижную маску. Слева от него находился столик с остатками завтрака, рядом со столиком – сундук, на нем – пара риз и сутана из грубой шерсти. В ногах кровати стоял хлипкий стул. На другом конце зала он разглядел стол с письменными принадлежностями и вырубленную в стене нишу. Больше в помещении ничего не было.

Он удивился, не увидев ни какого-нибудь кодекса, ни Библии, но, когда глаза его привыкли к темноте, он обнаружил еще один зал, поменьше, где находился личный скрипторий Уилфреда.

Неожиданно раздавшееся угрожающее рычание заставило его отступить.

– Не бойтесь, – улыбнулся граф. – Бедняги немного волнуются, но они не опасны. Проходите и устраивайтесь.

Прежде чем принять приглашение, Горгиас удостоверился, что зверюги привязаны к повозке Уилфреда. Он заметил также, что Генсерик покинул зал.

– Как скажете, – промолвил Горгиас, не отводя взгляда от собак.

– На самом деле это вы должны мне что-то сказать. Мы не виделись шесть дней, и я ничего не знаю о ваших успехах. Вы принесли пергамент?

Горгиас вдохнул и медленно выдохнул. Хотя он и приготовил объяснение, казавшееся ему убедительным, голос все равно предательски задрожал.

– Даже не знаю, как начать, ваше сиятельство... – Он кашлянул. – Должен вам кое в чем признаться, потому что меня это весьма беспокоит. Помните, мы говорили о чернилах?

– Помню, но смутно. Что-то насчет их густоты?

– Именно так. Как я вам объяснял, они слишком быстро стекают с перьев, которые имеются в моем распоряжении. В результате получаются брызги, а иногда даже кляксы. Поэтому я решил приготовить новую чернильную смесь.

– Да, что-то припоминаю. Ну и?

– Я долго думал и вчера вечером рискнул попробовать. Я прокалил ореховую скорлупу, растер ее в порошок, смешал с чернилами, добавил для густоты каплю масла, а также золу, сало и чуть-чуть квасцов. Конечно, сначала я испробовал полученную смесь на другом пергаменте.

– Конечно, – повторил граф.

– Я сразу почувствовал, что перо легко скользит по поверхности. Буквы получались тонкие, блестящие, гладкие, словно кожа девушки, и черные, словно агат. Однако, когда я взялся за основной пергамент, написанный унциальными²² буквами, случилось несчастье.

– Несчастье? О чем вы говорите?

– В соответствии с важностью документа буквы требуют тщательной обработки, края их должны быть очень ровными и четкими, и делать это нужно до того, как будет нанесен последний слой талька, или подсушивающего порошка.

– Ради всего святого, перестаньте поучать меня и объясните, что произошло!

Горгиас нахмурился. Придется солгать, чтобы объяснить отсутствие документа.

– Мне очень жаль, не знаю, можно ли простить подобную глупость. Я совсем не спал и забыл, что несколько дней назад уже использовал тальк. Из-за него пергамент стал непромокаемым, и когда я начал подправлять заглавные буквы...

– Что же, что?

– Все было испорчено, вся работа пошла к черту, будь она проклята!

– Пресвятой Боже! Но вы ведь говорили, что справились с трудностями, – сказал Уилфред, пытаясь приподняться.

– Я был так доволен, что не обратил внимания на тальк, – продолжал сочинять Горгиас. – Из-за него пергамент перестал впитывать чернила, и они растеклись по всей рукописи.

– Не может быть, – недоверчиво произнес граф. – А палимпсест? Вы не подготовили палимпсест?

– Я мог попытаться, но если бы я начал скоблить кожу, остались бы отметины, а в подобных манускриптах это недопустимо.

– Покажите мне документ. Ну, чего вы ждете? Покажите! – закричал граф.

Горгиас нарочито неуклюже вытащил измятый кусок кожи и протянул Уилфреду, но взять не дал: вместо этого он отступил на несколько шагов и порвал кожу на мелкие клочки. Увидев это, Уилфред взвился, будто его подожгли изнутри:

– Вы что, с ума сошли?

– Вижу, вы все еще не поняли, – в отчаянии вскричал Горгиас. – Документ пропал, неужели не ясно? Пропал!

Уилфред издал какой-то гортанный звук, и лицо его исказилось от ярости. Он пытался с постели дотянуться до валявшихся на ковре обрывков пергамента, но потерял равновесие и, если бы не Горгиас, свалился бы на пол.

– Думаете, если у меня нет ног, я тоже ни на что не гожусь, как и вы? Уберите от меня свои лапы, проклятый бездарь! – зарычал он.

– Успокойтесь, ваше сиятельство. Этот документ пропал, но я уже начал работать над новым.

– Над новым, говорите? И что вы предпримете на этот раз? Положите в пасть собаке или сварите и потом разрежете ножом?

²² В унциальном, или маюскульном письме все буквы одинаковой высоты, поставлены обособленно, словно размещаются между двух мысленных линеек. Слова унциального текста не разделены, надстрочные знаки отсутствуют.

– Умоляю вас, ваше сиятельство, успокойтесь. Если нужно, я буду работать день и ночь, и в скором времени у вас будет этот документ, клянусь.

– А кто вам сказал, что я располагаю этим временем? – спросил Уилфред, устраиваясь поудобнее. – Папский посланник может прибыть в любой момент, и если у меня не будет документа... Боже мой, вы не знаете этого прелата! Я даже думать не хочу, что нас ждет.

Горгиас не переставал корить себя за непредусмотрительность. Если бы на следующий после пожара день он сказал Уилфреду, что документ сгорел, все было бы просто, но от отчаяния это не пришло ему в голову. Хотя... О, небо, кажется, он придумал! В случае прибытия римской миссии раньше назначенного времени Уилфред сможет отговориться тем, что пергамент погиб при пожаре. Горгиас набрал в грудь побольше воздуха и снова обратился к Уилфреду.

– Когда, вы говорите, должен прибыть прелат?

– Не знаю. В последнем письме он сообщал, что собирается отплыть из Франкфурта в конце года.

– Возможно, из-за плохой погоды они задержатся, – предположил Горгиас.

– Возможно, а возможно, он явится уже сегодня, и тогда мне несдобровать!

Горгиас еще сомневался, стоит ли поделиться своей мыслью, но в конце концов изложил ее графу.

– Что, вы говорите, нужно делать? – недоверчиво спросил тот.

– Я говорю, если посланник придет раньше, чем будет готов документ, вы можете сказать, что оригинал сгорел в мастерской Корне. Так мы выиграем время.

– Все ясно. Скажите, а кроме предложения обмануть папского прелата, у вас нет никакой другой гениальной идеи?

– Я всего лишь пытался...

– Ради Бога, Горгиас, хватит без конца пытаться что-то сделать, лучше хотя бы раз в жизни сделайте что-нибудь хорошо!

Горгиас опустил голову, понимая, как глупо было предлагать Уилфреду обманывать прелата. Когда он опять взглянул на графа, лицо у того было задумчивое. Наконец он что-то пробормотал, но Горгиас не понял, и граф повторил снова, уже четче:

– Возможно, я был с вами слишком строг. Вы ведь не по собственной прихоти растратили столько времени впустую.

– Конечно нет, ваше сиятельство, – с удивлением произнес Горгиас.

– А эта ваша мысль... насчет пожара. Такое ведь действительно могло произойти...

– Конечно, – согласился Горгиас, немного успокоившись.

– Ну, хорошо. А как вы думаете, через три недели документ будет готов?

– Несомненно.

– Тогда закончим этот разговор, и сейчас же приступайте к работе. Надевайте капюшон.

Горгиас кивнул, опустил на колени, поцеловал морщинистые руки Уилфреда и неловко натянул капюшон. Ожидая прихода Генсерика, он почувствовал, что сердце впервые за долгое время перестало выпрыгивать из груди.

Хотя обратный путь тоже проходил вслепую, он показался Горгиасу короче. Сначала он объяснял это тем, что Генсерик шел быстрее, но по мере продвижения понял, что коадьютор выбрал другую дорогу, так как не было ни вонючих, ни лестниц, которые он хорошо запомнил. В какой-то миг он подумал, что Генсерик сменил маршрут из осторожности, поскольку в это время суток весь дом кишит слугами, но, когда коадьютор велел ему снять капюшон, он с удивлением обнаружил, что оказался в совершенно неизвестном месте.

Горгиас внимательно осмотрел маленькую круглую залу, в центре которой находился алтарь с потрескивавшим над ним факелом. В колеблющемся свете были видны каменные

блоки стен и подгнивший деревянный потолок. Между балок можно было различить размытые изображения на темы Священного писания, слегка потемневшие от пламени свечей. По видимому, это помещение было христианской криптой, хотя, судя по состоянию, его можно было принять за подземную тюрьму.

В одной из стен оказалась вторая дверь, запертая на задвижку.

– Что это за место? – Горгиас не скрывал своего удивления.

– Старинная часовня.

– Я вижу. Не спорю, тут очень интересно, но сейчас я должен заниматься совсем другим, – сказал он, теряя терпение.

– Всеу свое время, Горгиас... Всеу свое время. – И коадьютор изобразил подобие улыбки.

Затем он достал из сумки свечу, укрепил ее на краю каменного алтаря, зажег, направился к замеченной Горгиасом второй двери и отодвинул огромную задвижку.

– Проходите, прошу вас. – Горгиас колебался, и старик прошел вперед. – Или следуйте за мной, если вам это больше нравится.

Горгиасу пришлось подчиниться.

– Я присяду, с вашего позволения, – продолжил Генсерик. – От сырости кости болят. И вы садитесь, прошу вас.

Горгиас нехотя подошел. Застарелый запах мочи, исходивший от Генсерика, вызывал тошноту.

– Полагаю, вы задаетесь вопросом, почему я привел вас сюда.

– Именно так, – сказал Горгиас, с трудом сдерживая гнев.

Генсерик улыбнулся, но ответил не сразу.

– Это связано с пожаром. Плохо дело, Горгиас. Слишком много погибших... и что еще хуже, слишком много потерь. Уилфред, наверное, уже говорил вам о намерениях мастера Корне?

– О том, что он хочет обвинить меня?

– Он не просто хочет вас обвинить. Возможно, мастер – человек грубый, жестокий и безрассудный, но он маниакально настойчив и всеми способами будет стараться, чтобы вы расплатились кровью, никакого иного искупления он не признаёт. Его жажда мщения недоступна вашему пониманию.

– Граф говорил мне совсем о другом, – сказал Горгиас, все больше волнуясь.

– О чем же он вам говорил? О том, что материальное возмещение смягчит его гнев? Или он удовлетворится тем, что получит, продав вас и вашу семью в рабство? Нет, друг мой, и еще раз нет. Корне не из такого теста. Возможно, я не столь утончен, как Уилфред, зато чую зверя по запаху. Слышали вы когда-нибудь о крысах из Майна?

Горгиас в удивлении покачал головой.

– Эти крысы объединяются в огромные семьи. Самая старая выбирает жертву, не важно, какого размера, трудно с ней справиться или нет, терпеливо ее выслеживает и в подходящий момент напускает весь клан, который разрывает ее на куски. Корне – именно такая крыса, и вы даже не представляете, насколько опасная.

Горгиас не мог вымолвить ни слова. Уилфред говорил ему о каролингских законах, штрафах в качестве компенсации и возможности того, что Корне предаст его суду, но ничего похожего на то, что он услышал от Генсерика.

– Но Корне должен понять, что я уже понес наказание... Кроме того, закон обязывает его...

– Корне должен понять? – Генсерик расхохотался. – Ради Бога, Горгиас, спуститесь с небес на землю! С каких это пор закон защищает беззащитных? Хотя кодекс рипуариев²³ основан на справедливости, а реформы Карла Великого – на христианском милосердии, они не защитят вас от ярости Корне, будьте уверены.

Горгиас вновь ощутил приступ тошноты. Этот безумный старик так и будет сыпать дурацкими историями про крыс и ни на чем не основанными предсказаниями, а его ждет работа, которой конца не видно. Он резко встал, давая понять, что разговор окончен.

– Простите, но я не разделяю ваших опасений и, если вас не затруднит, хотел бы вернуться в скрипторий.

Генсерик покачал головой.

– Эх, Горгиас, Горгиас... Не хотите вы меня понять. Послушайте еще минутку и всю жизнь будете мне благодарны, – сказал он снисходительно. – Вы знаете, что Корне – сакс?

– Сакс? – удивленно повторил Горгиас. – Я думал, его детей крестили.

– Он крещеный сакс, но сакс, никуда от этого не денешься. Когда Карл Великий завоевал эти земли, он заставил саксов выбирать между обращением в христианскую веру и виселицей. Я присутствовал на многих таких обращениях, и, хотя они приходят ко мне на мессу и соблюдают великий пост, уверяю вас, в их венах по-прежнему струится яд греха.

В волнении Горгиас непроизвольно с силой ударил по стулу костяшками пальцев.

– Известно ли вам, что они до сих пор приносят жертвы? – добавил Генсерик. – Перерезают горло бычкам на перекрестках дорог, занимаются содомией, совершают самый страшный инцест – с собственными сестрами, и Корне – один из них. Уилфред знает об этом, но не знает об обычаях их предков. Согласно одному из них, *faide*, смерть ребенка может быть отомщена лишь убийством виновного в этой смерти. Таковы обычаи саксов.

– Но сколько же можно повторять, что в пожаре никто не виноват, это несчастный случай? – с раздражением вскричал Горгиас. – Уилфред может это подтвердить.

– Успокойтесь, Горгиас. Речь совсем не об этом и не о том, что действительно случилось тем утром. Важно только одно: Корне обвиняет вашу дочь. Она мертва, и вы скоро последуете за ней.

Горгиас посмотрел на Генсерика. Его обволакивающий взгляд, казалось, проникал внутрь.

– Значит, вы привели меня сюда для того, чтобы объявить о моей смерти?

– Чтобы помочь, Горгиас. Я привел вас сюда, чтобы помочь.

Спустя несколько секунд старик поднялся, сделал Горгиасу знак оставаться тут и направился из кельи в крипту.

– Подождите, мне нужно кое-что найти.

Сквозь открытую дверь Горгиас видел, как Генсерик бродит туда-сюда по крипте. Наконец он вернулся с большой зажженной свечой и поставил ее на выступ у двери.

– Возьмите, – сказал он и бросил Горгиасу какой-то предмет.

– Восковая табличка?

Вместо ответа Генсерик отступил на несколько шагов и быстрым движением запер дверь, оставив Горгиаса в келье.

– Что вы делаете? Откройте немедленно!

Он не сразу понял, что, колошматя по двери, ничего не добьется, только повредит пальцы. Стоило ему прекратить это бесплодное занятие, тут же раздался голос Генсерика, как никогда ласковый.

– Поверьте, для вас это лучше всего, здесь вы будете в безопасности, – проворковал он.

²³ Рипуарии – один из франкских народов.

– Сумасшедший старик, вы не можете удерживать меня тут. Граф с вас шкуру сдерет, если узнает.

– Наивный человек! – По-видимому, при этих словах Генсерик улыбнулся. – Неужели вы до сих пор не поняли, что Уилфред все это и придумал?

Горгиас не поверил.

– Вы бредите. Он никогда...

– Молчите и слушайте! На столе вы найдете палочку для письма. Напишите, что вам нужно: книги, чернила, документы... Я вернусь после вечерней мессы и заберу список, а до тех пор можете делать что хотите, времени у вас предостаточно.

Сначала Горгиас почувствовал легкое покалывание, потом раненая рука заболела.

Он в сердцах швырнул на убогую постель вощеную табличку, которую дал ему Генсерик, и подошел к единственному узкому оконцу, откуда сочился свет. Там он осторожно снял повязку, чтобы не содрать подсохшую корку, и увидел, что вся рука воспалилась, стала лиловой, а на швах появились гнойники. Конечно, нужно было бы обратиться к Ценону, но сейчас он не мог этого сделать. Единственное, что его немного утешило, – отсутствие гнилостного запаха. Кончиком палочки для письма он слегка отколупнул самые сухие струпы и промокнул оказавшуюся под ними желтоватую жидкость. Затем снова наложил повязку и помолился о том, чтобы рука зажила без осложнений.

В течение первого часа он просто ждал, потом стал смотреть в крошечное оконце, через которое не пролез бы даже ребенок, но, как ни старался, ничего разглядеть не мог. Хотелось его разбить, но он сдержался. Вот прозвонили колокола, возвещающие о поздней мессе; наверное, жена уже отправилась в капитул, обеспокоенная его отсутствием, и он представил, чего ей там наплетут.

Конечно, заманчиво думать, что Генсерик прав и его заточили сюда по приказу Уилфреда, дабы защитить от Корне или следить за продвижением работы над документом. Но почему сюда, где сам граф вряд ли сможет наблюдать за ним? Почему не в скрипторий, где есть все необходимое, или не в покои графа, где он все время был бы под его личным присмотром? Уилфред ведь не знает о нападении, а если, по словам коадьютора, пеклись о его безопасности, то в скриптории он был бы защищен ничуть не хуже.

Уже в сумерках раздался лязг задвижки. Он подумал, это граф, но запах мочи за версту выдавал Генсерика. По обыкновению размеренно и спокойно тот приказал ему отойти в глубину комнаты. Не сдвинувшись с места, Горгиас спросил о жене, но вместо ответа получил тот же приказ. Пришлось повиноваться. Вскоре в нижней части двери показался вращающийся механизм, в котором Генсерик оставил кусок хлеба и кувшин с водой. Он велел взять все это и положить список необходимых вещей.

– Сначала вы ответите на мой вопрос, – заявил Горгиас.

Прошло несколько секунд, показавшихся ему вечностью. Затем хлеб и вода исчезли, где-то хлопнула дверь, и до рассвета все погрузилось в тишину.

Утром Генсерик явился, мурлыча какую-то песенку, и сообщил, что с Рутгардой все в порядке, он заходил в дом ее сестры.

– Я сказал, вы несколько дней будете работать в скриптории, и, знаете, она восприняла это совершенно спокойно. Я дал ей два хлеба и немного вина и пообещал, что, пока вы будете у нас, она будет каждый день получать столько же. Кстати, она просила передать вам вот это.

Горгиас не отрываясь следил за вращающейся полкой. Рядом со вчерашними хлебом и водой лежал небольшой вышитый платок – платок Рутгарды, который она всегда носила.

Он осторожно взял его и спрятал на груди, затем с жадностью откусил хлеб. Генсерик из-за двери торопил его. Не переставая заглатывать большие куски, Горгиас составил пространственный список, куда намеренно не включил подсушивающий порошок, потом сделал вид, будто просматривает его, и наконец положил табличку на полку и толкнул к Генсерику. Тот внимательно прочитал написанное и не говоря ни слова, исчез.

Час спустя он вернулся, нагруженный листами, чернильницами и другими письменными принадлежностями, сообщил, что будет приходить каждый день – проверять, как идут дела, приносить еду и убирать испражнения, пообещал ежедневно навещать Рутгарду и покинул крипту, оставив Горгиаса наедине с инструментами.

Он сразу принялся за работу. Прежде всего он убедился, что документ, который нужно переписывать, лежит там же, куда он его спрятал. Он выбрал среди принесенных Генсериком кодексов один, повернулся спиной к двери, чтобы его движения были незаметны, очень осторожно извлек из корешка сложенный вдвое пергамент, расправил его на столе и медленно прочитал:

**«IN-NOMINE-SANCTAE-ET-INDIVIDUAL-TRINITATIS-
PATRISSCILICET-ET-FILII-ET-SPIRITUS-SANCTI**

--

IMPERATOR-CAESAR-FLAVIUS-KONSTANTINUS»²⁴

Сколько раз он читал это, а еще чаще писал.

Он перекрестился и первым делом внимательно осмотрел кожу, на которой ему предстояло делать копию. Несмотря на размер, ее вряд ли хватит для двадцати трех листов на латыни и двадцати на греческом. Затем осторожно провел пальцами по расположенной внизу пергамента императорской печати: равноконечный крест над лицом римлянина. Вокруг печати шло имя: Гай Флавий Валерий Аурелий Константин, или Константин Великий – первый император христианского мира, основатель Константинополя.

Согласно легенде обращение Константина в христианскую веру произошло четыре века назад, во время сражения при Пуэнте-Сильвио. Незадолго до наступления римский император увидел парящий в небесах крест и, вдохновленный видением, повелел вышить на штандартах христианский символ. Сражение было выиграно, и Константин отказался от язычества.

Горгиас просмотрел документ, в котором было два разных текста.

Первая часть, «*Confessio*», повествовала о том, как Константин, в ту пору больной проказой, отправился на Капитолий к языческим жрецам, которые посоветовали ему вырыть яму, налить туда кровь только что окрещенных младенцев и искупаться в ней. Однако предыдущей ночью Константину было видение, согласно которому ему надлежало отправиться к папе Сильвестру и отречься от язычества. Он так и поступил, стал христианином и излечился.

Во второй части, «*Donatio*», рассказывалось о том, как щедро Константин отблагодарил римскую церковь за свое исцеление. Он признавал превосходство папы над патриархами Антиохии, Александрии, Константинополя и Иерусалима. А для того чтобы утвердить не только духовное, но и материальное величие папы, Константин передал ему в дар базилику Святого Иоанна Латеранского, город Рим, всю Италию и западные территории. И наконец, не

²⁴ Во имя Пресвятой Троицы, Отца, Сына и Святого Духа Император Цезарь Флавий Константин (*лат.*).

желая нарушать предоставленные папе права, Константин воздвиг в Византии новую столицу, откуда он и его потомки управляли восточными территориями.

Этот дар, несомненно, в огромной степени способствовал распространению христианства.

Очень осторожно Горгиас разделил пергамент на листы, из которых потом будут составляться тетради, аккуратно сложил каждый лист пополам и проверил, чтобы все были пронумерованы. После этого окунул перо в чернила и начал копировать текст на пергамент с печатью. Закончил он, только когда день уступил место ночи.

7

Незадолго до полудня Тереза доела последний кусочек соленой рыбьей икры, порылась в мешке в поисках еще чего-нибудь съедобного и, не найдя, облизала пальцы. Затем глотнула воды, огляделась и присела отдохнуть. Дорога была ей хорошо известна, но снег превратил знакомые места в белое, без единого пятнышка, полотно, скрывшее все прежде четкие тропинки.

Покинув каменоломню, она постоянно вспоминала рассказ Хооса Ларссона о его путешествии и старалась идти так, как шел он. Еще она вспомнила, что он назвал саксов ленивыми и беззаботными людьми, чье присутствие ничего не стоит обнаружить благодаря громким песнопениям и ярким кострам. Вообще, по его мнению, выжить в этих краях не так уж сложно: нужно только быть хитрым, как загнанный зверь, перемещаться скрытно, забыть о привычных путях, не разжигать огонь, прислушиваться, не взлетели ли где вспугнутые птицы, и присматриваться к следам на снегу. Если все это соблюдать, любой, кто знает дорогу, сможет преодолеть перевалы.

«Любой, кто знает дорогу...» – с грустью подумала она.

Обычно в Аквисгранум ходили по западной дороге, по пути пересекали Майн, через четыре дня достигали места его впадения в Рейн, а еще через два – и самой столицы. Но если верить Хоосу, из-за саксов, бродивших по берегам обеих рек, при таком маршруте можно было угодить прямиком в ловушку.

С другой стороны, в разгар зимы, когда снег все прибывает, двигаться к югу, к Швабским горам или Альпам, – настоящее безумие.

Тереза поглядела вверх, на неприступные вершины. Горы Рён и Тюрингенский массив являлись естественной северной границей графства Вюрцбург. Именно через них пробирался Хоос из Аквисгранума в аббатство Фульда. Горы переходили по ущелью Вейра, но зимой оно покрывалось льдом. Правда, по словам Хооса, его можно было миновать, проделав несколько лишних миль к западу.

Хотя Тереза никогда не бывала в Фульде, она прикинула, что доберется до ущелья за два дня, значит, придется ночевать в дороге. Она перекрестилась, сделала глубокий вдох и направилась к горам.

Тереза шла легко и быстро, не сводя взгляда с вершин, которые с каждым шагом казались все дальше. Она уже выпила всю воду и съела все найденные по пути орехи и ягоды. Девушка без помех преодолела несколько миль, но потом вдруг захромала. Легкое покалывание превратилось в острую боль, из-за которой ей пришлось остановиться. Снега было по колено, надвигались сумерки. По-прежнему глядя на далекие горы, она вздохнула. Если она собирается сегодня добраться до ущелья, нужно поторопиться.

Тереза пошла вперед, но тут услышала конское ржание и замерла от страха. Затем медленно обернулась, ожидая увидеть врага, но, к своему удивлению, никого не обнаружила. Спустя мгновение ржание повторилось, к нему добавилось громкое рычание. Она разбросала мешавший ей снег, метнулась к ближайшим скалам, спряталась и вдруг с ужасом увидела на снегу собственные следы. Теперь любой, кто их заметит, обнаружит ее. Она спрятала голову в колени и застыла в ожидании, затем осторожно огляделась. Хотя вокруг по-прежнему было пустынно, она поняла, что шум доносится из оврага рядом с дорогой.

Несколько мгновений Тереза колебалась, но наконец решилась. Она покинула убежище, на четвереньках доползла до края оврага и плашмя бросилась в снег. Отдышавшись немного, она осмелилась высунуть нос и увидела, как стая волков дерется за внутренности лежащей на дне лошади. Несчастное животное храпело и из последних сил било копытами по воздуху, но часть кишок была уже разбросана по снегу.

Не раздумывая, девушка начала кричать и махать руками, будто это ее раздражают на части. Услышав крики, волки замерли, но тут же угрожающе зарычали. Мелькнула мысль, что на нее действительно могут напасть, поэтому она нагнулась, схватила валявшуюся у ног сухую палку и изо всех сил принялась размахивать ею над головой. В какой-то момент палка задела крону дерева, и с ветвей тяжело упал снег. Один из волков испугался и убежал, остальные не сразу, но тоже последовали за ним.

Убедившись, что они не вернуться, Тереза начала спускаться в овраг.

Это оказалось труднее, чем она думала, и когда она добралась до низа, лошадь уже агонизировала. Все тело ее было покрыто ранами, причем некоторые совсем не походили на оставленные волчьими зубами. Девушка пыталась облегчить ее страдания, сняв подпругу, но ей это не удалось – животное крупно задрожало, пару раз всхрапнуло и после коротких судорог замерло на снегу.

Невольная слеза скатилась по щеке Терезы. Смахнув ее, она отвязала дорожные мешки и принялась рассматривать их содержимое. В первом оказались плащ, кусок сыра и сумка с нацарапанной на ней надписью «Хоос». находка ошеломила ее. Несомненно, это та самая лошадь, которую он потерял, пробираясь над оврагом, отсюда и непонятные раны. Девушка откусила сыр и с удовольствием продолжила осмотр. В том же мешке нашлись обработанная кожа кабана, горшочек с джемом, пузырек с маслом, два металлических капкана и склянка с какой-то вонючей жидкостью. Она принялась за джем и забыла обо всем на свете. В другом мешке лежали еще несколько кож непонятно каких животных, запечатанная амфора, пучок павлиньих перьев и ящичек с принадлежностями для бритья. Наверное, он вез подарки родственникам, но, потеряв лошадь, решил не тащить их на себе.

Конечно, кое-что из найденного ей пригодилось бы, но идти будет труднее, к тому же ее могут обвинить в воровстве. Поэтому она взяла только еду и масло, завязала мешки, выбралась из оврага и продолжила путь.

До входа в ущелье Тереза добралась еще засветло и поняла, что подняться по нему невозможно, значит, придется ночевать в горах, а завтра идти на восток в поисках дороги на Тюрингию. По словам Хооса, она начиналась с причудливого нагромождения скал.

Девушка надеялась перетерпеть холод, но, когда ноги совсем замерзли, поняла, что нужно разжечь костер; набрала немного веток, сверху положила трут и ударила огнем по кремню. Трут занялся, но ветки не загорелись, видимо из-за сырости. Тогда она положила сверху ветки посуше, на них – трут и повторила все сначала, опять безрезультатно. Трута оставалось еще на пару попыток, но Тереза решила не делить его, а использовать сразу – вдруг получится.

Она достала пузырек с маслом и полила на ветки. Когда те пропитались, она положила тонкие щепки и кусочек кожи под трут и помолилась, чтобы костер наконец разгорелся.

С третьего удара из кремня, словно по волшебству, вылетели сотни искр, с четвертого трут вспыхнул. Тереза принялась раздувать слабые язычки пламени, лизавшие щепки. В какой-то момент огонь почти потух, но мало-помалу окреп и перекинулся на смоченные маслом ветки.

В ту ночь она спала спокойно, ей было тепло, снились отец, вся семья, мастерская и Хоос Ларссон – благородный, сильный, мужественный. В конце сна она даже его поцеловала.

Незадолго до рассвета Терезу разбудил ливень, и она вымокла так, словно побывала в реке. Укрывшись под ближайшим дубом, она переждала непогоду, но, как только дождь кончился, опять сильно похолодало.

Постепенно тучи рассеялись, и солнце робко осветило гребни гор. Тереза расценила это как знак судьбы. Перед дорогой она помолилась за здоровье отца и мачехи, за упокой бедной

лошади Хооса, поблагодарила Господа за подаренный ей еще один день жизни, завернулась в плащ, съела немного сыра и, промокнув, отправилась в путь.

Примерно через три мили девушка начала сомневаться, правильно ли она идет. Дороги превратились в тропинки, которые то исчезали, то появлялись на белоснежном покрывале. Тем не менее она упрямо продолжала брести непонятно куда.

В полдень путь ей преградил бурный поток. Тереза пошла вдоль него, ища, где бы перебраться, и очутилась у небольшого озера. Тут она остановилась, замороженная зеркальной гладью, где отражались ели и другие деревья, похожие на огромное войско, их блестящей крапчатой от снега листвой, журчанием воды и сильным запахом смолы, который вместе с холодным воздухом глубоко проникал в легкие.

А в животе уже урчало от голода.

Зная, что ничего не найдет, Тереза тем не менее сунула руку в мешок и еще раз перевернула все вещи. Потом решила попробовать то, что делают местные ребята: нашла под камнями дождевых червей, насадила парочку на крючок, который соорудила из заколки для волос, привязала его к вытащенной из одежды шерстяной нитке и забросила как можно дальше в воду. Если повезет, она пообедает жареной форелью.

Вдруг в нескольких шагах, в зарослях кустарника, она увидела что-то похожее на большую лодку. Хоос ничего об этом не говорил, но ей было известно, что на таких лодках перевозят грузы. Раздвинув ветки, она забралась в лодку, которая затрещала под ногами. Нос судна при помощи жерди был прикреплен к канату, протянутому между берегами. Наверное, для того, чтобы во время выгрузки и загрузки товаров лодку не унесло течением, подумала Тереза. Не обнаружив пробоин, она решила попытаться снять судно с мели и перебраться на другой берег.

Девушка подошла к увязшей части лодки, уперлась спиной в корму и изо всех сил стала толкать. Ноги по щиколотку ушли в ил, но лодка даже не сдвинулась. Она пробовала снова и снова, до дрожи в руках и ногах, и наконец, сдавшись, бросилась на землю и разрыдалась.

Сколько раз после бегства из Вюрцбурга она плакала, и не сосчитать! Тереза вытерла слезы и подумала, не отказаться ли от своей безумной затеи, не вернуться ли и не попросить ли прощения у Уилфреда, Бога, у всех, у кого нужно. По крайней мере, она опять будет с семьей и, возможно, с ее помощью сумеет доказать, что не виновата в пожаре. Однако она тут же вспомнила о погибшей девушке и поняла, насколько безумна мысль о возвращении. Нет, если уж ей позволено прожить еще немного, она должна попасть на другую сторону озера.

В отчаянии Тереза нашла небольшой камень и швырнула по направлению к противоположному берегу. Камень пролетел примерно четвертую часть озера, то есть около ста шагов. Нет, в такой холод нечего и думать о том, чтобы перебраться вплавь. Значит, нужно искать какой-то мост.

Она уже собиралась идти, как вдруг подумала, что вполне могла бы воспользоваться канатом. Он привязан к огромным деревьям и наверняка выдержит ее. Правда, на середине он сильно провисает, но воды не касается.

Решившись, Тереза вошла в воду. От холода она судорожно вздрогнула, но не остановилась. Когда дно из-под ног ушло, она подпрыгнула, уцепилась за канат руками и ногами и поползла, как гусеница.

Сначала все шло хорошо, но после примерно трети пути натяжение стало ослабевать, и Тереза оказалась в опасной близости от воды. Тогда она поплыла, держась за канат, а когда он опять выровнялся, снова забралась на него. В этот момент мешок раскрылся и огниво упало в воду. Тереза попыталась схватить его, но течение оказалось более проворным. Выругавшись, она поползла дальше и через некоторое время, показавшееся ей вечностью, ступила на твердую землю.

Ноги не держали, и она рухнула на прибрежные плоские камни, теплые по сравнению с ледяной водой и насквозь промокшей одеждой. Отдышавшись, но сильно дрожа, она разделась и отжала вещи. Вдруг ее внимание привлек какой-то блеск неподалеку. Не может ли это быть огниво, подумала она, и хотя предположение было совершенно невероятным, быстро оделась и подошла. Оказалось, это раки, копошившиеся на бесформенном теле какого-то воина.

Возможно, сакс, но, может быть, и франк, мелькнуло в голове.

Ужасная рана тянулась от левого уха до основания шеи, изможденное лицо в кровоподтеках, щиколотки будто вывернуты, живот раздут, словно старый бурдюк. Рана была явно от скрамасакса, висевшего у него на поясе, и Тереза даже подумала, не взять ли его, но не стала, так как всем известно, что души умерших в течение трех дней находятся рядом с телом.

Немного отступив, она наблюдала за пиршеством, отчасти с отвращением, отчасти с любопытством, и вдруг подумала, что раки очень вкусные, если их приготовить. Однако тут же вспомнила о потерянном огниве и решила осмотреть тело. Палкой она раздвинула раков, но, видимо, несчастного уже кто-то ограбил, поскольку кроме других раков и засохшей грязи она ничего не нашла.

Тем не менее Тереза продолжала рыться в одежде убитого, как вдруг ее схватили и подняли в воздух. Она закричала и стала брыкаться, словно в нее вселился бес, но тут чья-то рука зажала ей рот. Тогда она принялась яростно царапаться и в ответ получила оплеуху, болтаясь над землей, будто тряпичная кукла.

– Чертова девка! Только попробуй крикнуть, и я вырву тебе язык!

Тереза попыталась, но у нее ничего не вышло.

На нее угрожающе смотрел старик, кажется, только что вышедший из преисподней. Лицо словно кем-то изгрызено, всё в гнойниках, сквозь редкие волосы видны царапины и грязь, серые глаза того и гляди пробурывают насквозь. У стоящей рядом собаки клыки тоже будь здоров.

– Спокойно, дочка. Мой пес, Сатана, кусает лишь тех, кто сам на это напрашивается. Ты одна?

– Да, – пробормотала она и через мгновение пожалела о своих словах.

– Что ты искала у этого мертвеца?

– Ничего, – она опять прикусила язык.

– Так уж и ничего? Ну-ка, снимай башмаки и ставь их сюда, – приказал старик. – Как тебя зовут?

– Тереза. – Она выполнила его приказание.

– Хорошо. А теперь давай это. – Он показал на мешок, висевший у нее на плече. – Можно узнать, что ты тут делаешь?

Тереза не ответила. Старик открыл мешок и принялся изучать его содержимое.

– А теперь слушай, – продолжил он. – Мне все равно, что ты тут делаешь, откуда идешь, одна ты или нет и что ты искала у этого мертвеца, но здесь полно саксов, и если ты закричишь или выкинешь еще какую-нибудь глупость, пикнуть не успеешь, как Сатана прокусит тебе глотку. Понятно?

Тереза кивнула. Можно было бы попытаться убежать, но без башмаков это безумие, наверное, потому старик и приказал ей разуться. Она отступила на несколько шагов и внимательно на него посмотрела. На нем был сильно изношенный плащ, подвязанный на поясе и не закрывавший длинные костлявые ноги. Оставив в покое мешок, он поднял с земли палку с колокольчиком на конце. Только тогда Тереза поняла, что это прокаженный.

Больше она не раздумывала. Стоило старику отвести взгляд, как она повернулась и бросилась бежать, но скоро поскользнулась, упала и сразу почувствовала на спине горячее дыхание собаки. Смирившись, она ждала смертельного нападения, однако животное не двигалось. Тем временем старик подошел и протянул покрытую струпами руку. Тереза отпрянула.

– Боишься моих болячек? – рассмеялся он. – Саксы тоже боятся. Ладно, вставай, они нарисованные.

Тереза присмотрелась к язвам, которые вблизи казались просто пятнами, но все равно не поверила. Тогда старик потер руки друг о друга, и язвы исчезли.

– Теперь видишь, что я не лгу? Ну ладно, садись и успокойся. – Старик вернул ей мешок. – С такими пожитками далеко не уйдешь.

– У вас точно нет проказы? – неуверенно спросила она.

– Конечно нет! – Старик опять рассмеялся. – Но этот трюк не раз спасал мне шкуру. Вот, смотри.

Он зачерпнул из воды горсть песка, добавил темной краски, растер до однородной массы, капнул еще какой-то жидкости и намазал руки.

– Обычно я еще добавляю клейстер, чтобы прилипало, когда высохнет. Для саксов прокаженные страшнее любого войска. – Он взглянул на труп. – Только не для этого... Мерзавец хотел украсть у меня шкуры. Пусть теперь разбирается с дьяволом... Кстати, с каких это пор ты грабишь покойников?

Тут старик нагнулся и тоже принялся рассматривать убитого. Он, в отличие от Терезы, обнаружил привязанный изнутри к поясу небольшой мешок, открыл его, удовлетворенно улыбнулся и спрятал в складках одежды. Затем снял с шеи подвески со странными бурыми камнями, взял скрамасакс, вложил в ножны вместе со своим и, наконец, перевернул тело. Не найдя больше ничего интересного, он так и оставил его лежать среди камней.

– Ему это уже не понадобится, – сказал он. – А теперь рассказывай, что ты тут делаешь.

– Это вы его убили?

– Я – нет, вот он. – Старик дотронулся до ножа. – Наверное, этот парень следил за мной, но вместо того чтобы убить, попытался утащить у меня шкуры, дурачок.

– Шкуры?

– Ну да, там, в повозке. – Старик махнул рукой назад.

Взглянув туда, Тереза обрадовалась: если есть повозка, значит, должна быть и дорога.

– Этот идиот сломал колесо, пойду попробую починить, а тебе нужно быстрее уходить отсюда, он наверняка путешествовал не один. – С этими словами старик отдал Терезе башмаки, повернулся и направился к лесу.

– Подождите! – Она обулась и побежала за ним. – Вы едете в Фульду?

– Что я потерял в этом городе святош?

– Но вы знаете дорогу?

– Конечно, так же хорошо, как саксы.

Тереза замолчала и пошла за ним. Походка у него была совсем не старческая, а зубы, хотя и неровные, но абсолютно целые и очень белые. Наверное, примерно ровесник отца. Мужчина склонился над сломанным колесом и начал что-то делать, но вскоре остановился и взглянул на Терезу.

– Ты мне так и не ответила, зачем тебе понадобился этот мертвец? Проклятье! Посмотри, что ты сделала с рукой! – воскликнул он, стирая кровь с глубоких царапин, оставленных ногтями Терезы. – Решила, дьявол пришел за тобой?

– Я иду в Фульду, – хрипло проговорила она. – Увидела тело, подумала, может, у него есть огниво. Свое я потеряла, когда перебиралась через озеро.

– Говоришь, перебиралась через озеро? Ну-ка... подай мне тот молоток. Значит, ты идешь из Эрфурта?

– Ну да, – соврала она и подала ему инструмент.

– Тогда ты должна знать Петерсонов. У них пекарня недалеко от собора.

– Конечно, знаю, – опять соврала Тереза.

– Ну и как они? Я их с лета не видел.

– Думаю, хорошо. Мы с родителями живем далеко от города.

– А... – Ответ его явно не удовлетворил. Он сильно ударил по вставленному клину, и колесо соскочило с оси.

Тереза вздрогнула. Вряд ли он ей поверил.

– А теперь самое трудное, – сказал старик. – Видишь спицу? Она сломана, и эта тоже. Чертовы деревяшки! Одну придется заменить, а другую попробую починить с помощью пары брусков. На, держи колокольчик, и как только я ударю молотком, сразу звони. Пусть саксы слышат не только стук, но и музыку прокаженных.

Тереза отметила, что старик распряг лошадь и подложил под оставшиеся колеса камни, чтобы повозка не скатилась вниз. Из задней ее части он достал новую спицу и сказал, что всегда возит одну запасную, так как в пути делать новую из дуба очень сложно. Прежде чем пройтись по одному из концов теслом, он сравнил ее с остальными.

– Долго придется возиться?

– Надеюсь, нет. Если делать все, как полагается, то до вечера: придется снять все четыре обода и поменять спицы. Это не очень трудно, поскольку ободья сделаны из ясеня, но потом нужно вставить оси, язычки и сами спицы... Вообще-то работенка противная! Поэтому я просто подпилю концы и забью спицы молотком. Давай, звони.

Тереза затрясла палкой с привязанным к ней колокольчиком, и тот зазвонил. Удары молотка разнеслись по всему лесу. Девушка попыталась заглушить их и затрясла сильнее, но это было бесполезно.

Потом они поели и немного поговорили. Старика звали Алтар, он был охотником и жил в лесу, в деревянной хижине с женой и Сатаной. Зимой охотился, а летом продавал шкуры в Аквисгрануме. Она сказала, что сбежала от выгодного, но нелюбимого жениха, и попросила помочь добраться до Фульды, но Алтар отказался. Починив повозку, он распрощался с Терезой.

– Уже уходите? – спросила девушка.

– Да, возвращаюсь домой.

– А я?

– Что ты?

– Мне что же делать?

Алтар пожал плечами:

– То, что давно должна была сделать: вернуться в Эрфурт и выйти замуж за человека, которого якобы ненавидишь. Он наверняка не так уж плох.

– Скорее я выйду замуж за сакса, – сказала она с такой убежденностью, что сама поразилась собственной наглости.

– По мне, так можешь делать что угодно. – Алтар запряг лошадь и стал убирать камни, удерживавшие повозку. – Возможно, поблизости бродят еще несколько, тебя ищут, – и он указал на мертвеца. – Мы пойдем к реке, лошадь попьет, и только нас и видели.

Тереза повернулась и поплелась прочь. Вокруг толпились деревья, темные и неприветливые, как на кладбище, и слезы поползли по щекам. Вскоре она остановилась, понимая, что в одиночку не выживет. Алтар, по-видимому, неплохой человек, иначе он не отпустил бы ее просто так. К тому же он женат и знаком с какими-то Петерсенами. Возможно, он позволит ей пойти с ним.

Она вернулась и наплела, какая она искусная швея и кухарка, но на Алтара это, судя по всему, не произвело впечатления.

– Еще я умею выделывать кожи, – добавила Тереза.

Старик искоса взглянул на нее, думая про себя, что помощь ему не помешает. Для такой работы нужна ловкость, а у жены после лихорадки руки почти не двигаются. Он взглянул еще

раз и недоверчиво покачал головой. Тереза может оказаться избалованной девчонкой и только осложнить ему жизнь. Да и непонятно, как объяснить жене ее появление.

Он убрал последний камень и взгромоздился на повозку.

– Послушай, ты мне нравишься, но от тебя только лишние хлопоты, корми тебя, пои...

Извини и возвращайся домой, авось твой жених простит тебя.

– Я не вернусь.

– Поступай как хочешь. – И он ударил лошадь кнутом.

Тереза не знала, что сказать. Вдруг она вспомнила о капканах, найденных возле лошади Хооса.

– Я вас отблагодарю.

Алтар вздернул бровь и с усмешкой взглянул на нее.

– Не думаю, что у тебя получится. Да и стар я для таких дел.

Девушка пропустила его замечание мимо ушей.

– Вы только посмотрите на свои капканы... Они старые и ржавые, – сказала она, глядя на него снизу вверх.

– Я тоже, однако пока еще на что-то гожусь.

– А я могу достать вам новые, я знаю, где их найти.

Алтар остановил лошадь. Конечно, новые капканы не помешают, но его больше беспокоила судьба девушки. Тереза рассказала о встрече с волками и о содержимом дорожных мешков, а также о том, где все произошло.

– Уверена, что это было в том овраге?

Тереза кивнула, и Алтар задумался.

– Проклятье! Залезай сюда, поедем. Я знаю одну тропу, которая приведет нас примерно к тому месту. И переоденься, а то умрешь и не успеешь показать, как туда добраться.

Тереза залезла на забитую тюками повозку и вскоре уже покачивалась в такт движению лошади. Она увидела шкуры бобра, оленя и одну совершенно никудышную волчью. Некоторые выглядели обработанными, но большинство кишели насекомыми и были в сгустках крови, словно их только утром содрали. Вонь стояла невыносимая, поэтому она отодвинулась, сколько могла, поискала шкуру попрличней и накрылась ею. Сзади оказался прикрытый засаленной тряпкой горшок, откуда доносился умопомрачительный запах сыра.

Тереза обхватила руками живот, стараясь сдержать голодное урчание, затем откинулась назад, закрыла глаза и перенеслась в Вюрцбург. Она вспомнила, как зимой по утрам отец поцелуем будил ее и они шли разжигать печь, сооруженную за овчарней, какой жар шел от углей, когда она читала отцу тот или иной манускрипт. Интересно, видел ли Алтар когда-нибудь книгу...

Девушка взглянула на Сатану. Пес бежал за повозкой с таким умным видом, каким не мог похвастаться ни один знакомый ей парень. Время от времени он приближался к лошади и на лету хватал куски мяса, которые бросал хозяин. Тут кишки снова заурчали, и Тереза спросила, нельзя ли чего-нибудь поесть.

– Думаешь, мне еду на тарелочке приносят? Всему свое время. А пока возьми эти шкуры и начинай их обрабатывать. Скребок там, под дугой.

Тереза беспрекословно подчинилась: подвинула к себе самый набитый тюк, развязала веревки, разложила на коленях одну из шкур и мужественно принялась ее чистить. Туча насекомых тут же разлетелась по всей повозке. Покончив с первым тюком, она сразу взялась за второй, а когда и этот был готов, Алтар указал на третий.

– Потом почистишь капканы, чтобы блестели.

Тереза поплевала на засохшую грязь и с головой погрузилась в новую работу. Отдраивая это старье, она недоумевала, как старик может быть столь искусным охотником, поскольку ничем иным объяснить наличие такого количества шкур было невозможно. Когда с заданиями

было покончено, Тереза окликнула Алтара, и тот, внимательно всё осмотрев, от удивления даже остановил лошадь, а потом впервые приветливо улыбнулся.

– Отлично, дочка. Теперь можно и подкрепиться.

С этими словами он направился к задней части повозки, принес оттуда небольшой матерчатый мешок и положил его на землю. Сатана тут же подбежал, облизываясь, но хозяин оттолкнул его и повернулся к Терезе:

– Поднимись на этот холм и хорошенько оглядись. Если увидишь или услышишь что-нибудь необычное – огонь, людей, конское ржание, – полай несколько раз.

– Полаять? – недоверчиво переспросила Тереза.

– Ну да, полаять, разве ты не умеешь?

Тереза попробовала, как ей показалось, без особого успеха, однако Алтар остался доволен.

– Ну, давай быстрее и колокольчик возьми.

Пока Тереза взбиралась на холм, Алтар нарезал сыр и хлеб, почистил пару луковиц и позвал девушку.

– Все спокойно, – сообщила она.

– Хорошо. Если и дальше будем двигаться так же, к полудню доберемся до оврага. А поесть нужно сейчас, чтобы больше не останавливаться. Кстати, под капканами есть немного вина, и, если хочешь, надень что-нибудь еще, ты, наверное, замерзла.

Охотник опять вскарабкался на повозку и стегнул лошадь. Тереза тоже влезла наверх и, даже не благословив еду, набросилась на нее, отдавая должное и извлеченному из-под капканов вину.

Немного погодя они пересекли болотистый лесок, и тут лицо Алтара посуровело, он весь напрягся – вздрагивал от любого звука, беспрестанно крутил головой, то и дело слезал с повозки и осматривался.

Сатана уже не отставал от них и с поднятыми ушами и опущенным хвостом внимательно следил за хозяином, словно чуя невидимую опасность.

Примерно через сотню шагов пес начал лаять. Алтар бесшумно остановил повозку, спустился, прошел немного вперед, дал знак Терезе молчать, потянулся к скрамасаксу и исчез в зарослях кустарника.

Тереза заволновалась, привстала на цыпочки в надежде что-нибудь разглядеть, но сбитые в кровь ноги не давали долго стоять в такой позе. Она не знала, в чем дело, но в любой момент ожидала чего-то ужасного. Вскоре вернулся Алтар с перекошенным от тревоги лицом.

– За мной, скорее.

Тереза прыгнула с повозки и последовала за Алтаром в чащу. Охотник петлял, как кот, преследующий добычу, и она с трудом поспевала за ним, хотя тот отводил в стороны ветки, расчищая ей путь. Толстый слой опавшей листвы и топкая грязь, оставшаяся после недавних дождей, затрудняли их продвижение. Кое-где кустарник был такой густой, что даже на расстоянии ладони Тереза не видела ничего, кроме спины Алтара. Вдруг тот обернулся и, приложив палец к губам, медленно отступил. Глазам девушки предстала страшная картина: два окровавленных тела, застывшие в смертельном объятии, а неподалеку, в канаве, изувеченный труп третьего.

– Это не сакс, – сказал Алтар, трогая ногой того, что лежал внизу.

Девушка не ответила. Несмотря на грязь, она узнала эту одежду, потому что видела ее в доме Ларссонов. С замиранием сердца она приблизилась к причудливо обнявшимся телам, медленно отодвинула того, что был сверху, и в глазах у нее потемнело. Если бы не Алтар, она бы упала. На земле лежал Хоос – человек, который недавно спас ей жизнь.

Лишь несколько секунд спустя Алтар заметил, что Хоос Ларссон дышит. Они с Терезой перетащили его к повозке, и старик внимательно изучил его раны. Девушка вопросительно смотрела на него, но Алтар молчал.

– Говоришь, он тебя спас? – наконец спросил он.

Тереза, плача, кивнула.

– К сожалению, нам придется оставить его тут.

– Вы не можете так поступить. Если мы его бросим, он умрет.

– Он в любом случае умрет. Взгляни на это колесо, – старик указал на починенную спицу. – Вас двое, я да еще поклажа... Мы и мили не проедем.

– Тогда давайте снимем шкуры, – предложила Тереза.

– Шкуры? Да ты что! Это мой хлеб на весь следующий год.

Алтар был настроен решительно, и Тереза поняла, что должна переубедить его, если хочет помочь Хоосу.

– Человек, которого вы намереваетесь бросить, – рыцарь короля. Если вы спасете ему жизнь, то будете сыты до конца своих дней, да и ваша семья тоже.

Алтар оставил мертвого сакса, взглянул на бездыханного Хооса и в сердцах сплюнул.

Как ни неприятно это признавать, но девушка, похоже, права. Он обратил внимание на изысканную одежду и обувь юноши, однако счел их ворованными и, видимо, поторопился. Теперь, еще раз внимательно все осмотрев, он с удивлением обнаружил выпачканное в грязи кольцо с крестом – символом Карла Великого; такие король дарил только доверенным людям. Последний раз он видел подобное кольцо в Аквисгрануме, где жил, пока не перебрался в лес.

Он непроизвольно ругнулся. Возможно, этот молодой человек действительно занимает то положение, о котором говорит Тереза, но его нынешнее состояние лучше от этого не становится. Правда, они могут успеть довести его до Аквисгранума, а там будь что будет. Алтар снова чертыхнулся и направился к лошади, которая искала что-то под снегом.

– Вдруг еще и не помрет, – пробормотал он в раздумье.

Тереза радостно кивнула.

«По крайней мере, не раньше, чем мне заплатят», – продолжил он про себя.

Тереза пошла пешком, иначе пришлось бы расстаться с драгоценным товаром. Алтар, не переставая сыпать проклятьями, то и дело подбадривал лошадь кнутом и велел Терезе на подъемах изо всех сил подталкивать повозку.

Правда, большую часть пути он шел рядом с ней. Девушка призналась, что капканы, о которых она говорила, принадлежат Хоосу Ларссону, но Алтару это было все равно. Они двигались без остановок, хотя иногда их все-таки задерживало сломанное колесо. Капканы оказались на месте – рядом с лошадиным скелетом, из чего Тереза заключила, что волки – животные не из пугливых.

Пока Алтар спускался за ними в овраг, девушка занялась Хоосом. Старик сказал, что сломанные ребра могли повредить легкие, поэтому она положила его на спину на тюки со шкурами.

Дышал он еле-еле.

Умыв ему лицо, она подумала, почему он изменил маршрут. Возможно, преследовал ее, чтобы вернуть украденный кинжал, который она тут же нашупала под одеждой. Вскоре вернулся Алтар, нагруженный капканами.

– Их оказалось даже больше, чем ты говорила, – сообщил он, очень довольный. – Непонятно только, как их увезти.

– Но мы ведь не бросим его...

– Успокойся, дочка. Если он действительно вез такой груз, я из кожи вон вылезу, но добьюсь, чтобы он мне заплатил, когда поправится.

После еды они продолжали двигаться по направлению к горам. Алтар рассказал, что раньше жил в Фульде и, как все остальные жители, трудился в аббатстве. Они с женой Леонорой взяли в аренду маленький земельный надел и построили на нем хороший дом. По утрам они обрабатывали собственный участок, а после обеда, в качестве арендной платы – земли аббатства. Позже им удалось приобрести еще немного неводеланной земли, всего двадцать югеров²⁵, но этого хватало, чтобы прокормиться. Бог не послал им детей, видимо, в наказание за то, что они слабо в него верили. Как любой трудолюбивый крестьянин, Алтар умел многое, но ни одним ремеслом не овладел в совершенстве: ловко обращался с топором и теслом, сам делал мебель, каждую осень вместе с женой ремонтировал крышу. Годы шли, и он рассчитывал до конца своих дней прожить в Фульде, но когда однажды ночью кто-то перелез через изгородь и попытался украсть его единственного вола, он схватил топор и с ходу ударил вора по голове. Это оказался сын аббата – полусумасшедший парень, к тому же большой любитель выпить. После похорон Алтара схватили и судили. Никто его не слушал, так как двенадцать человек под присягой показали, будто парень перелез через ограду в поисках воды, а он не мог доказать, что они лгут. У него отобрали все имущество и приговорили к изгнанию.

– Узнав приговор, Леонора заболела черной меланхолией, – продолжил охотник. – Слава Богу, подружки предложили поухаживать за ней, а я отправился в горы. Мне помогли двое соседей, которые хорошо меня знали: Рудольф дал старое тесло, а Викус – пару капканов, я должен был их вернуть вместе с добытыми шкурами. Я нашел пристанище к югу от Фульды, в горах Менц, – он указал на ближайшую гору, – в пещере: загородил дорогу туда, приспособил ее под жилье и перезимовал, расставляя капканы и изготавливая всякие охотничьи приспособления. Когда я пришел за Леонорой, оказалось, что некоторые из тех подонков признались в лжесвидетельстве, однако к тому времени мои земли уже засыпали солью. Аббат отказался продать мне семена и дать в аренду новый участок и даже пригрозил наказать тех, кто осмелится укрыть меня в своем доме. Тогда мы с Леонорой решили переселиться в пещеру и до смерти жить в одиночестве.

– И вы больше ни разу не были в Фульде? – спросила Тереза.

– Конечно, был, – улыбнулся старик, – иначе как бы я продавал свои шкуры? Аббат вскоре после той истории оочурился, старый таракан, новый уже не угрожал мне, но прошлое так и не вернулось. Я езжу в Фульду обменять мед на соль или сало, здесь этого нет. Раньше Леонора ездила со мной, но теперь у нее плохо с ногами, ничто ведь даром не проходит.

К вечеру густые леса сменились более суровой местностью, деревья встречались все реже, и ветер стал их постоянным спутником.

Когда они уже почти добрались до пещеры, наступила ночь; почва здесь была такая каменная, что Тереза удивлялась, как это колеса окончательно не сломались. Алтар велел ей крепко держать Хоосу, но, несмотря на все ее усилия, из-за тряски он впервые застонал.

Возле огромной гранитной скалы Алтар остановил лошадь, слез с повозки, пару раз крикнул и начал насвистывать какую-то простенькую мелодию.

– Можешь выходить, дорогая, – сказал он и опять что-то просвистел, – но я приехал не один.

Из кустов выглянуло толстое улыбающееся лицо, раздался нелепый возглас и зазвучала та же песенка, после чего показалась приземистая, ковыляющая вразвалку женщина.

²⁵ Югер – древнеримская мера площади, равная примерно 2518 м².

– Что привез мне мой принц? – воскликнула она, бросаясь в объятия Алтара. – Какую-нибудь драгоценность или духи из восточных стран?

– Вот твоя драгоценность, – пошутил он, прижавшись низом живота к ее животу, и женщина захохотала как сумасшедшая.

– А эти двое кто? – удивленно спросила она, указывая на Хооса и Терезу.

– Видишь ли, – пробормотал он, приподнимая брови, – его я спутал с оленем, а она влюбилась в мою шевелюру.

– Ну что ж, – снова рассмеялась она, – тогда пойдемте внутрь, скоро здесь станет чертовски холодно.

Хооса перенесли в пещеру и положили на шкуры; груз пока оставили снаружи.

Тереза сразу заметила, что вверху проделана дыра для дыма, а под ней устроено что-то вроде кухни, и горящий в ней огонь обогревает все жилище. Леонора предложила им яблочный пирог, которому они с удовольствием отдали должное. Мебели было немного, но Тереза все равно чувствовала себя как во дворце. За ужином Алтар рассказал, что у них есть еще одна пещера, которую они используют как амбар, и хижина, куда они переселяются, когда становится теплее. После еды Тереза помогла Леоноре убрать со стола, а потом потеплее укрыла Хооса.

– Ты будешь спать здесь. – Женщина прогнала козу и шуганула кур. – А за юношу не беспокойся: если Господь его любит, он ему поможет.

Тереза согласно кивнула и легла, гадая, преследовал ли ее Хоос из-за кинжала или нет.

Спала она очень плохо: воспоминания о пожаре в мастерской, о гнусной выходке Корне и гибнущей в огне несчастной девушке, сменяя друг друга, роились в воспаленном мозгу. Ей приснились два сакса – полулюди, получудовища, которые схватили и изнасиловали ее, потом приснились волки, которые, покончив с лошадью Хооса, пытались разорвать на куски и ее. В какой-то момент появился сам Хоос – он тайком следил за ней, а затем стал медленно подносить к ее шее украденный кинжал. Порой она даже не знала, снится ей это или чудится, но, как только она собиралась открыть глаза, перед ней возникал отец, и она успокаивалась, пока на смену прежнему не приходил новый кошмар.

В этой пещере, где слышались лишь уханье совы да потрескиванье огня, Терезе было трудно думать. Тем не менее, дожидаясь рассвета и перебирая в памяти все свои грехи, она решила, что свалившиеся на нее несчастья не случайны, что это предупреждение, сигнал, посылаемый Господом, наказание за ее ложь.

Она обманула Корне, заставив его поверить, будто граф собирается присутствовать на испытании; обманула Хооса, сказав, что работает подмастерьем, а не простой ученицей; обманула Алтара, придумав эту свадьбу, хотя на самом деле убегала от наказания.

Неужели мастер прав, и любая женщина – вместилище лжи и разврата, порочное с рождения существо, живущее лишь из милости Всевышнего? Сколько раз она спорила с теми, кто считал дочерей Евы состоящими из одних недостатков – они и слабые, и несдержанные, и непостоянные, и похотливые, но теперь она сомневалась в своих убеждениях.

А может быть, ее ложь – проделки дьявола? Разве не он обманом соблазнил первую женщину? И не он ли превратил ненависть Корне в пламя пожара?

Но кого она пытается обмануть? Как бы она ни страдала, она совершила то, что совершила. И что делать, когда Хоос проснется? Сказать, что в темноте случайно взяла кинжал вместо предложенного им грубого скрамасакса?

Одна ложь тянет за собой другую, еще более серьезную.

И она безутешно разрыдалась, а когда выплакала все слезы, пообещала себе и своему отцу никогда больше не лгать. Конечно, он ее не слышит, но теперь уж она его не подведет.

8

Чуть только рассвело, Тереза решила, что пора подниматься. Сначала ее удивили спящие Алтар и Леонора, но вскоре она сообразила, что в этих краях ритм жизни совсем иной. Она накинула плащ, которым укрывалась ночью, и тихонечко подошла к Хоосу. Тот дышал глубоко и ровно, и это ее успокоило. Было холодно, поэтому она вернулась к горящим углям и слегка их раздула. Шум разбудил Алтара, он с хрустом потянулся и издал неприличный звук. Еще не до конца проснувшись, он ласково обнял Леонору.

– М-м-м... Уже встала? – пробормотал он, почесывая сначала промежность, затем бороду. – Если тебе нужна вода, вверх по тропинке есть речка.

Тереза поблагодарила, оделась, обошла лошадь, которая вместе с другими животными ночевала в пещере, и через маленькую дверцу вышла наружу. Сатана залаял и побежал за ней, виляя хвостом. Как и предсказывала Леонора, сильно похолодало. Тереза поплотнее закуталась в плащ и огляделась.

Напротив входа стояла повозка, которую Алтар, видимо, разгрузил. Чуть поодаль находился загон, огороженный колючими ветками, сейчас пустой. Повсюду высились горы стружек, вперемешку валялись остатки дров, поленья разных размеров, клинья и деревянные молотки. Ничего похожего на огород не было. По дороге ей попались три вымазанных глиной деревянных сооружений. Удивившись, она обогнула их и наконец дошла до маленькой холодной речки.

Начав приводить себя в порядок, она заметила, что у нее начались месячные. Сатана тут же принялся ее обнюхивать, так что пришлось на него прикрикнуть и отогнать. Речка оказалась полноводной, поэтому она хорошенько умылась и лишь потом воспользовалась куском ткани, который всегда носила с собой на случай женского недомогания. Перекрестившись, она отправилась в обратный путь.

К ее возвращению Алтар уже выгнал скотину из дома; Леонора занималась Хоосом.

– Как он? – спросила Тереза.

– Дышит хорошо и ведет себя спокойно. Я как раз грею воду, чтобы помыть его. Иди помоги мне.

Тереза сняла воду с огня и принесла мыло. Заметив, что Леонора собирается раздевать Хооса, девушка покраснела.

– Что ты стоишь как неживая? Стаскивай с него штаны, – приказала Леонора.

Тереза повиновалась, и вскоре Хоос остался в облегающих шерстяных панталонах, а затем и вовсе без них. Заметив, что Леонора опустила глаза, она тоже отвела взгляд.

– Давай мыло, и побыстрее, а то он замерзнет.

Тереза опять залилась краской. Она никогда не видела обнаженных мужчин, ведь двоюродные братишки не в счет. Правда, был еще сакс, пытавшийся изнасиловать ее. Девушка передала мыло Леоноре, и та принялась тереть Хооса как ошипанную курицу. Когда женщина попросила поддержать раненого, Тереза невольно взглянула на его живот и на сей раз не отвернулась. Ее поразили мягкие волосы вокруг члена, и она подумала, что, к стыду своему, даже не представляла, какой он большой. Следующей ее мыслью было, что Леонора станет стыдить ее, если заметит такой интерес, но, прополаскивая повязки, не удержалась и взглянула снова.

– У него сломано ребро, видишь? – Леонора указала на красноватую выпуклость на уровне груди. Затем приложила к ней правое ухо и довольно долго слушала. – Но хрипов нет, это хорошо.

– Он поправится?

– Думаю, да. Принеси еще воды, а я его переверну. Примерно год назад на Алтара упало дерево и сломало ему несколько ребер. Он здорово струхнул, но уже через две недели носился как ящерица.

– Все так и было, – подтвердил только что вошедший Алтар. – Ну что у него, моя королева?

– Сломанное ребро и сильный удар по голове.

– Думаю, одного твоего завтрака будет достаточно, чтобы все поправить.

– Ты все готов поправить с помощью еды! – И Леонора, смеясь, толкнула мужа.

Когда туалет Хооса был закончен, все сели за стол.

Завтрак действительно был великолепный. Леонора сначала подала соленое мясо с салом, грибами и луком, затем слегка поджаренный козий сыр и, наконец, вино, которое, по ее словам, помогало переваривать пищу.

– Сейчас еще попробуешь сладости, – пообещал Алтар.

Тереза с удовольствием отведала слоеного пирога с медом и миндалем и даже попросила рецепт, а потом с грустью посмотрела на Хооса.

– Если Леонора им занимается, можешь о нем не беспокоиться, – сказал Алтар. – А теперь пойдём, поможешь мне.

Алтар объяснил, что зверей зимой становится гораздо меньше, рыбы вообще нет. У них еще есть маленький участок более-менее плодородной земли, но до весны там тоже делать нечего, а потому в это время года он плотничает, чинит все, что требует починки, и занимается изготовлением инструментов.

– Но главное – я делаю чучела, – с гордостью заявил охотник.

По склону они поднялись до расщелины, словно прорубленной в горе топором. У этой пещеры вход был более низкий и узкий, и Терезе пришлось пригнуться. Алтар, с факелом в руке, шел вперед так уверенно, словно знал дорогу наизусть.

Вскоре проход расширился, и они очутились в просторном помещении, напоминающем церковный неф.

– Красиво, правда? – В голосе Алтара прозвучали хвастливые нотки. – Раньше мы тут жили, но, когда Леонора заболела, перебрались в другую пещеру, так как эту, к сожалению, обогреть невозможно. А вот шкурам холод только на пользу, поэтому все свои трофеи я храню здесь.

Алтар поднял факел повыше, и из полутьмы показались целая стая лисиц, парочка хорьков, олени, совы и бобры, застывшие в каких-то странных, неестественных позах. Девушка смотрела на искаженные морды, сверкающие глаза, вывернутые, словно в безмолвном зловещем танце, лапы. Старик пояснил, что в молодости освоил искусство таксидермии и что многие богачи не прочь иметь дома таких хищников, якобы убитых во время опасной охоты.

– Мне не хватает только медведя, – добавил он, – и тут ты мне поможешь.

Тереза кивнула, полагая, что речь идет об изготовлении чучела, и даже когда выяснилось, что медведя нужно сначала убить, она все равно не поверила и молила Господа обратить все в шутку.

Целое утро они трудились в пещере.

Алтар занимался чучелами, Тереза – инструментами. Старик до блеска начищал своих любимцев, попутно объясняя, что за хорька и лису в Фульде можно получить два динария и купить на них пять модиев пшеницы. За сову дадут меньше, так как чучела птиц делать легче, но на пару ножей и кастрюлю хватит. Вот медведь – совсем другое дело. Если удастся его убить, он отвезет чучело в Аквисгранум и продаст самому Карлу Великому.

– Как же его убить?

– Пока не знаю, но, если мы его найдем, что-нибудь придумаем.

В полдень они вернулись домой голодные, и Леонора сразу предложила им вино и сыр.

– Оставьте место для всего остального, – предупредила она.

Остальным оказались фрикадельки с засахаренными фигами, пирог с птичьим мясом и горячий компот. Леонора сказала, что Хоос просыпался, поел бульона и снова заснул.

– Он что-нибудь говорил? – спросила Тереза.

– Нет, только стонал. Может, к вечеру разговорится.

После обеда Алтар вышел облегчиться и глянуть на животных. Тереза помогла убрать посуду, доски, служившие столом, и чурбаки, заменявшие стулья. Пол подметать не пришлось, так как Сатана вылизал его дочиста. Она уже хотела убрать остатки еды, но Леонора ее остановила.

– Не знаю, чем ты занимаешься, но уж точно не домашним хозяйством, – уверенно заявила она.

Тереза сказала, что любит читать, и женщина уставилась на нее, словно на какое-то невиданное существо. Тогда девушка объяснила, что с малых лет бывала в школах и скриптории, а когда подросла, стала ученицей в пергаментной мастерской.

– Не много твоей матери от тебя помощи, – с упреком произнесла Леонора.

– Но теперь, когда я попробовала ваши блюда, мне очень хочется научиться их готовить, – сказала Тереза, надеясь подольститься к хозяйке.

Леонора от души рассмеялась, а потом стала поучать свою гостью, мол, девушка, не умеющая готовить, в глазах мужчин хуже, чем плоскогрудая.

– Правда, с этим у тебя все в порядке, – добавила она.

Тереза взглянула на свою грудь, потом на Хооса, и внутри стало горячо и щекотно. Затем она подпоясалась, чтобы было удобнее заниматься делами, и обратила внимание, что ее и без того округлые бедра под складками ткани стали еще пышнее. Когда Хоос поправится, подумала она, приготовлю ему какое-нибудь необыкновенное кушанье. Леонора будто прочитала ее мысли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.